

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

9 / 2020

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО «ИПО «У Никитских ворот»

Издатель:
АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии»

Журнал издаётся при информационной поддержке
«Литературной газеты»

Главный редактор:
Максим Замшев

Руководитель проекта:
Екатерина Цыганкова

Корректор:
Любовь Ремова

Дизайн-макет, оформление обложки:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка:
Алина Симонова

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5 стр. 1, к. 36.
Тел.: 8 (495) 690-50-72, 691-63-36
E-mail: асpoetry@mail.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2020
© Издательство «У Никитских ворот», 2020
© Коллектив авторов, 2020

ISBN 978-5-00170-173-6

9 785001 701736 >

ТЕМА НОМЕРА:

«125 ЛЕТ С.А. ЕСЕНИНУ. ЧЕРЁМУХОВАЯ ВЬЮГА:
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТКАНЬ ИЗ ОБРАЗОВ,
СИМВОЛОВ, КАРТИН, МОТИВОВ, ТЕМ»

1

ПОЭЗИЯ

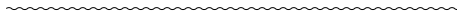

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Осенняя молитва

Догорает август...

Догорает август, как огарок лета,
В прятки с нами солнце пробует играть:
То погладит щёки лучиками света,
То в горжетку-тучу спрячется опять.
Август, милый август, задержись немного
И создай цветную фреску из стекла.
Чтобы в осень грустной не была дорога,
Напоследок дай нам чуточку тепла.

Александрова Юлия Геннадиевна – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской академии внешней торговли. Поэт, прозаик, член Московской городской организации Союза писателей России с 2009 года. Печатается в газете «Московский литератор», журнале «ВЕЛИКОРОССЪ». Автор шести сборников лирических стихотворений и семи сборников городских рассказов.

* * *

Уходит лето по-английски –
Не попрощавшись, как-то сразу.
Не оставляет ни записки,
Не улыбнувшись нам ни разу.

А за окном раскрылись астры
И георгины, и физалис.
И гладиолусы – пилястры
Блещат на солнце всем на зависть.

Шары им вторят золотые.
В них нет ни капли благородства,
Однако шапки их простые
С Ярилом впрямь имеют сходство.

И потому в букет осенний
Включите солнышко на ножке,
И будут радости мгновенья –
Продлится лето хоть немножко.

Осень

С утра накинув шубку лисью,
Гуляет осень во дворе,
Ступая мягко так по листьям,
Упавшим дружно в октябре.

Она добра, хотя надменна:
Посмотрит – будто холодком
Обдаст тебя, но непременно
На рану дунет ветерком.

Взмахнёт рукой – и дождик чистый
Польётся с неба серебром.
С улыбкой солнечной, лучистой
Она идёт к тебе с добром.

Есть у неё такая странность –
В разгар веселья загрустить...
Прими её, прими как данность
И в жизнь свою её впусти.

* * *

Розовощёкое солнце играет –
Будто малыш, расшалилось с утра.
Стрелы-лучи на дома посылает –
Это посланники света, добра.

Розовым цветом окрасились крыши –
Это пастельные краски зари.
Осень стучится в окошки чуть слышно
И чудеса превращений творит.

Листики юные вдруг пожелтели,
Хамелеонами с клёнов глядят.
Верность природному цвету лишь ели,
Вечнозелёные ели хранят.

Кудри небес отражаются в лужах –
Смотрятся в водную гладь облака.
Утренний ветер немного простужен,
Листья деревьев колышет слегка.

Мокрой листвой проводя омовенье,
Осень играет на струнах души.
Это цветная пора вдохновенья
И покорения новых вершин.

Бабье лето

На дрожках бронзового цвета
К нам выезжает бабье лето
Из дымки лёгкой, будто сетка...
Играют в прятки листья, ветки.

Туман рассеется, конечно,
И ветер ласковый сердечно
Обнимет нас, как в детстве мама,
И распахнутся двери храма

Потоком солнечного света.
Ах, бабье лето, бабье лето!
Среди осеннего ненастья
Ты даришь нам тепло и счастье.

Закуталась осень в багровую шаль...

Закуталась осень в багряную шаль
С узорами веток слегка оголённых.
Из дождика соткана неба вуаль –
Скрывает верхушки всех вечнозелёных.

А в стареньком парке скамейки стоят
С мозаикой листьев резных, разноцветных.
Промокли они и о лете грустят,
О страстных закатах и нежных рассветах.

Но грусть постепенно растает вдали
И сменится радостью буйности красок.
А осень, склонившись до самой земли,
Вдруг станет центральной фигурой плясок,

В которых кленовые листья шуршат,
А ветер их носит по белому свету.
Как осень игрива и как хороша! –
Невеста достойная жаркому лету.

Три сына

У осени три удивительных сына,
И каждый по-своему любит её.
Сын старший – ноябрь – печальна картина:
Деревья раздеты, кружит вороньё.

Сын средний – октябрь – ах, ветреный малый,
Всё гонит он птиц перелётных на юг.
Пустеют поля, и в лесах тише стало,
И время чудес завершает свой круг.

Сын младший – сентябрь – гуляет в сапожках.
Расшиты они разноцветной листвой.
То дождичком тёплым поплачет немножко,
То солнцем жонглирует над головой.

Три сына – чудесные, разные братья,
И осень их любит такими, как есть.
Она раскрывает свои нам объятия,
Чтоб к каждому был и у нас интерес.

Сентябрь

Сентябрь месяц. Сплошь полутона:
Вот на зелёном жёлтые вкрапленья.
В природе ярких красок прибавленье,
Но скрыла их тумана пелена.

К полудню воздух чистый и сухой.
В садах и гладиолусы, и астры.
И солнце свои блики, как пиастры,
Бросает сверху щедрою рукой.

А вечер удивительно хорош.
Вздывая грудь, прохладой поле дышит,
И мух назойливых жужжание не слыша,
Ты наступления спокойной ночи ждёшь.

Октябрь

Октябрь – чаровник. Художник поневоле.
Колдует у мольберта он с утра.
Мазками мастихином пишет поле,
Что охрою разметил лишь вчера.

Сиеной жжёной пишет землю он на пашне
И фиолетовым – волшебный лес вдали.
На сером водит сажей газовой бесстрашно –
То клином тянутся по небу журавли.

В хрустальной вазе распустились хризантемы,
Как бахрома у офицерских эполет.
Картины Мастера... Вы словно из Эдема,
Ведь октябрю по краскам равных в мире нет.

Ноябрь

Уже рассвет, но за окном ещё темно –
Стилист-ноябрь постучался к нам в окно.
Набриолинил ветви клёнов и берёз
И заморозил на стекле следы от слёз.

Вчера был дождь, сегодня снег идёт с утра:
Ноябрь – грустная, унылая пора.
Запудрил инеем ресницы у травы,
Не пожалел теней болотных для листвы.

Рябину ниткой алых бус он оживил
И на земле позёмку кольцами завил.
Явил искусное своё нам мастерство,
Чтоб мы увидели природы естество.

Посвящение Сергею Есенину

Листвой взмахнуло на прощанье бабье лето.
В деревне стёкла стали мокрыми от слёз.
Земля Рязанская явила нам поэта –
Певца России, русских клёнов и берёз.

А кудри вьются золотые, словно пашня,
Глаза – озёра: и чисты, и глубоки.
Писал о том, что русским людям было важно, –
Его стихи об отчем крае так легки.

Любимец женщин, посвятил им много строчек.
В Москве кабацкой был поэт всегда своим.
И очень рано – в тридцать лет – поставил точку,
Но в сердце нашем остаётся он живым.

В плену у осени...

Я давно в плену у осени
С головою золотой.
Небо – хмурое, но с просинью –
Растревожило покой.

И не надо лета красного,
Где июльская жара.
Мне милей оттенки разные
И осенняя пора.

Мне милей дожди усталые,
Ватность тучи снеговой.
И любить не перестану я
Запах мокрой мостовой.

Я раздвину нити дождика
И открою путь ветрам.
Нет прекраснее художника,
Чем октябрь по утрам.

Серебрит травинки инеем,
Изменяет цвет листвы.
Тут и там прямые линии –
То качается ковыль.

Осень радует нас красками,
Разведёнными водой,
Листьев бешеными плясками
В колеснице золотой.

Дарит осень вдохновение,
Вкус немислимых плодов,
Поднимает настроение
Вплоть до зимних холодов.

* * *

Ах, осень! Как ты быстротечна!
Летит, кружась, с деревьев лист,
А лишь недавно так беспечно
Он танцевал на ветке твист.

Играл стилига-ветер резво
На саксофоне из лучей.
Напополам пространство резал
Прощальный звук его речей.

Прощался он с теплом осенним,
С одеждой пёстрой на ветвях.
Уже зима ступила в сени,
Природу инеем объяв.

Осенняя молитва

Осень-монашка гуляет по лесу,
Мягко ступает по листьям она.
То полетит по долинам и весям,
То зашатается, будто пьяна.

В руки возьмёт чётки красной рябины
И прочитает молитву о том,
Чтоб у людей были чувства глубинны,
Чтобы любили друг друга и дом,

Чтобы, увидев росу на рассвете,
Люди б сказали спасибо заре.
Стало бы меньше обид на планете,
Стало бы больше любви на земле.

* * *

Яблони в саду
Наклонились до земли.
Плоды желаний.

* * *

Летят журавли.
Ветер гонит их на юг.
Пора прощаний.

* * *

Яшма пёстрая,
Как осенние листья.
Цвет – лекарь души.

ВАЛЕРИЙ БОКАРЁВ

Сергей Есенин

То ли я не вовремя,
То ли ты не вовремя,
То ли оба не вовремя на беду,
Только остро надломлена,
Об извёстку искровлена,
Синеокая жизнь на виду.

Хохот, полубред, вино рекою.
Никого не видя, лишь себя.
Бритва – и недрогнувшей рукою
Сразу все итоги подведя.

Бокарев Валерий Павлович – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт. Автор сборников «Времена года», «Моя малая Родина», «Стихи, поэмы, сказки» и многочисленных публикаций стихов и прозы. Печатался в газетах «Микрон», «Сорок один», «Московский литератор», альманахах «Литературный Зеленоград», в ежегодных конкурсных альманахах и сборниках МГО СПР, а также в научно-популярных сборниках «Знак вопроса» издательства «Знание». Кандидат химических наук, автор более 100 научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов».

Осуждать?! – поступок слишком личен.
 Лужа крови страшно велика!
 Боже, до чего эгоистичен
 Этот мир. Как жизнь не дорога!

Я уйду от вас, как лист опавший.
 Лишь познавшим красоту
 Тишь щемящую принесу,
 До последней капли всё отдавши.

Листьями осенними овеян,
 Отгорел, отмучился Есенин.

Психопаты, шлюхи и подонки,
 Виноваты все, и на минуту смолкли
 Голоса народа. И глаза юрода
 Плакали. Отчаялась погода.

Мне достаточно знать, что меня где-то ждут.
 Мне достаточно верить, что кому-то я нужен.
 А иначе на шее появляется жгут,
 Обвивает удавом, всё туже и туже.

Одинокость разъест заразой,
 И висишь, глаза свои выстеклив.
 Милый мой, для чего так сразу?
 Разве в этом горькая истина?!

Нам верёвки бы вместо нервов.
 Надсмеяться так над душою.
 Ты ведь знал, что не выберут первым.
 Ты б спросил себя: что со мною?

К кому обращался Есенин
 Тогда, в декабре, и ранее?
 К потомкам, я в этом уверен, –
 Все жившие только ранили.

Поблизости не было друга.
Подонки, как мухи, кружат.
Лишь пьяные рожи и ругань.
Вся сволочь вылезла – служит.

Снилось – на стулья сели
Близко друг к другу я и Есенин!
Читаем стихи, то я, то он.
Какой замечательный сон!

Журавли

Голубое небо в сером тает.
Хоть прощаньем ласку подари.
Журавли взлетают, журавли взлетают!
Улетают наши журавли.

Подойдут дожди и всё размоют,
Что копилось нами целый год.
И с твоей слезою, и твоей слезою
Память о минувшем отойдёт.

Журавли, прощаясь, закружат над полем,
Криком наши души всполошат.
Над моей страной, над моей судьбою
Знак изгнания – журавли летят!

Берёзовая роща

Белые одежды, золото волос.
Ждет меня с надеждой, рощица берёз.
Думает, замечу чудо – красоту
И весь этот вечер с нею проведу.

Не пройдёт, заметит! Подниму глаза,
Душу мне осветит рощи красота!
Обниму рукою белый стройный стан.
Для себя открою, что моложе стал.

Нам смешает ветер волосы с листвою...
Вновь, душою светел, возвращусь домой.

* * *

Ночь покрыла кусты изумрудным листом.
Майский жук стал меж лиц пролетать.
Я поставлю цветы пред собою на стол
И тебя буду вновь вспоминать.

Отчего я грущу? Почему по ночам
Тихий запах, и шелест, и свет
Взгляд притянут к мерцающим лунным лучам?
Потому, что любимой здесь нет.

Я тебя бы повёл косогороми вниз.
К бурной Рузе, сейчас она спит.
Посмотри, как разжёт отражение бриз,
От костра, что почти не горит.

Слышишь эхо лягушек? Туман от полей.
Не ходить бы сейчас, а летать!
Наступает рассвет, и поёт соловей,
Жаль, тебя не могу я обнять.

* * *

И серебристое журчанье,
И шелковистость вод под ивой,
И отзвучавшее признание,
И тихим шелестом: «мой милый».

Затем стрекозы на малине
И первый гриб, уткнувшись в ёлку.
И марево, и тень осины,
И сень лесистого пригорка.

* * *

Берёзы. Дым зелёный тает,
И редкий дождик нежно лижет
Траву, а небо в сизых волнах.
Грачи беззвучно пролетают,
Но всё равно их шорох слышу –
Бутоны листьев рвутся словно.
А дождь всё реже.
Нежный запах
Поля накрыл и тихо тает.
Деревья те же и не те же,
В весенних знаках.
И первоцветы зацветают.

* * *

Уйти в луга, где аромат цветов.
В ромашковое марево упасть.
И для любви тогда не надо слов,
Достаточно смотреть и целовать.

Твои глаза сияют для меня,
Твоя рука нежнее лепестков.
Мы будем долго, до заката дня,
Испытывать блаженство и восторг.

Смотреть наверх и слышать чудо-трель,
И ощущать порхание крыла.
И за такой один чудесный день
Любая жизнь становится мила.

ВИЛЕН ИВАНОВ

Из цикла «Социологическая лирика»

Что наша жизнь?

Человеческая комедия.

Оноре де Бальзак

Что наша жизнь? Опять вопрос
Философам, учёным и масс-медиа,
Коллега мой печально произнёс:
«Трагикомедия»,
Коллега классика поправил,
Он, как давно античный кто-то,
Услышал в бытии трагические ноты,
И формула его для наших дней
Бальзаковского вывода верней.

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный гражданин г. Минниа-полиса (США). Полковник в отставке.

* * *

Сегодня будущее наше
У многих вызывает страх,
Конечно, вирус есть, но так ли вирус страшен?
Кому-то хочется, чтоб это было так.

Испытание

Какая с пандемией связь,
Верна какая версия?
Я вижу, люди, с ней борясь,
Порой теряют равновесие.

* * *

Коллега заявил не без смущенья,
Что в том он видит достижение,
Что, шпаги с вирусом скрестив, –
Остался жив!

Ноябрьский рецидив

Нас врачи предупреждают:
Бдительность нельзя терять,
Этой осенью, под праздник,
Коронавирус, злой проказник,
Может к нам прийти опять.

Вопрос

Вопрос к ученым и «верхам»,
Интрига в этом затаилась,
Что угрожает больше нам:
Цифровизация или коронавирус?

ОЛЬГА ИГНАТОВА

(Продолжение)

Про трёх скоморохов, опричника и боярышню да царя Ивана Грозного

«Скоморохи»

(Сказка для взрослых в трёх песнях, запеве и отпеве)

*Моей Москве –
с любовью...*

Автор

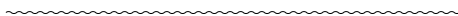
«Приди ко мне, брате, в Москов...»

Из письма Суздальского
князя Юрия Долгорукого
Новгород-Северскому
князю Святославу
Ольговичу, 1147 год

*Место и время описываемых событий: Москва, ранняя осень
1568 года. Правление царя Иоанна IV, прозванного Грозным.
Опричнина.*

Песня третья «Царский суд»

Как вставал рассвет над Москвой-рекой,
Над Москвой вставал, да над городом!

Игнатова Ольга Николаевна. Родилась в Москве в семье служащих.
Актриса, режиссёр, театральный педагог. Поэт, писатель, сценарист.

Полился с церквѣй звон к заутренней:
Православный люд – рабы Божии
Славят Господа – Богу молятся!
Славят Матушку-Богородицу
И Христа, и Святых заступников –
Самого Егѳрия храброго –
Покровителя сего города!
Он копьѣм пробил змея лютого,
Себя славою увенчал навек!
Богу молится, славит Господа –
Православный люд – рабы Божии!
Но в темнице сидит Опрічничек...
Колокольный звон ему слышится!
Наверху вдруг в малом окошечке
Сизый голубь к нему пожаловал!
«Здравствуй, голубь мой, птица вольная!
Угощайся: вот тебе хлебушка!
Принесли мне хлеба с водицею,
До утра пережить злую ноченьку... –
Говорил Опричничек голубю,
Накрошил ему угощения –
Поделился с ним да попотчевал! –
Я и сам – как ты – тоже вольный был!
На коне скакал, на пирах пивал,
Веселился с гулящими девками,
Да царю служил верой-правдою!
Проезжал-то я мимо терема,
Мимо самой светлицы дѣвичьей...
Заприметила свет-Боярышня
Меня, мѳлодца – из окошечка!
Да откуда же было знать-то мне,
Что в меня она сильно влюбится?
Видно, женский стыд – это сказки всё:
Нет у баб ни чести, ни совести!
Иль уж так я ей душу выкрутил,
Или те боярыни вредные
На поклѣп и подбили дѣвицу?!
Только нету мне ни свидетеля,

Ни заступника – я ж – Опричник!
За меня сказать слово – некому!
Знать, погибну я – пропаду зазря...
Ты лети, лети, сизый голубь мой,
За лесок, за поле, за реченьку –
Передай поклон моей матушке,
Мы теперь уже вряд ли свидимся!»
Улетел голубок с окошечка,
А Опричник – сел на лавочку,
О судьбе своей призадумался...
Загремел засов, дверь открылася,
Закричала охрана Опричнику:
«Выходи, давай, что расселся тут?
Чай, не пир тебе с медовухой!
Выходи отсель, добрый молодец!
Выходи на свет, да на суд людской!
К царю-батюшке поведём тебя,
Пусть рассудит он – как положено!»
А Опричник-то воды испил,
И поднялся с казённой лавочки...
Осенил себя крестным знаменьем,
И вздохнул: «На всё воля Божия...
Будь как будет – все люди смертные!» –
«Долго ль ждять тебя? Чай, не князь какой!» –
«Тут я весь!» – «Так чего же мёшкаешь?
Перед смертью-то не надышишься!» –
Закричала охрана Опричнику.
Засмеялись над ним служивые...
«Это только Господу ведомо –
Кому сколько житья отпущено!» –
И – пошел Опричник с охраною...
Как на улицу его вывели,
Огляделся он: всё по-прежнему!
В небеса взглянул и сказал себе:
«Ты Москва, Москва! Стольный город мой!
Неужели навек прощаемся?
Неужели мне не видать тебя?
Неужели мне не служить тебе?»

Неужель всё сегодня кончится?
Не пройду я уже по улице,
Не проеду уже по площади,
На коньке своём не процокаю...
Не порадуюсь жизни суетной...
Не увижу я – ни реки твоей,
Ни церквей твоих, ни людей твоих...
Коль со Смертью мне нынче встретиться –
Своё сердце я отдаю тебе!
Я люблю тебя, стольный город мой!»
И упала слеза нежданная
Вдруг с ресниц его – на лицо ему...
Много лет не плакал Опричник –
Лишь мальцом давно – мамке жалуясь...
«Никого не жаль – только жаль Москву!
Ничего не жаль – жаль мне матери...
И прошу я у вас прощения:
У тебя прошу, стольный город мой!
У тебя, родимая матушка...»
Тут охрана тычók ему в спину – раз!
«Что ворон-то считаешь? А ну, шагай!»
И пошёл на суд царский – Опричник...
Зарумянилось утро солнышком,
Птахи божию пробудились!
И давай чирикать-насвистывать
По делам летать, да росу клевать,
Да искать себе пропитание!
Позевала Москва, потянулася –
Наводнились народом улицы!
Кто куда бежит, кто зачем спешит –
Закипело! Пестро и суетно!
А с высокого места Лобного
Таковы слова разлетелися:
«Эй, московский люд! Православные!
Кто вчера если был на ярмарке
И видал удалого Опричника
А с ним рядом видал Боярышню,
Приходите в Кремль – не тайтися !

Расскажите по чистой совести!
Царь наш батюшка Иван Васильевич
Вас наградой за то пожалует!
Расскажите всё, что вы знаете
Про Опричника и Боярышню!»
«Это ж надо – какие новости!
Что ж такое вчера случилось
Меж Опричником и Боярышней? » –
Вопрошали люди московские.
Кто не видел – в догадках терялся,
А кто видел – вспомнили ярмарку –
Как Боярышня-раскрасавица
Под коня к Опричнику кинулась,
В жёны мóлодцу набивалася!
Только что же царю-то надобно?
Ведь опричники – у него в чести!
А бояр-то не очень жалует!
Ведь не всякая речь правдивая
Царю-батюшке будет пó сердцу!
Угадай-поди, что желает он
Услыхать об том деле на ярмарке?!
И никто не решился пойти к царю –
Рассказать, как Опричник халву купил,
Как Боярышне подарил её,
И как девица-раскрасавица
Под коня его сама кинулась...
Не решились идти в свидетели –
Те, кто были вчера на ярмарке...
Хороши палаты кремлёвские!
Царь с царицей сидел за кушаньем...
С приближённой своей опричниной.
Чего только подано не было!
Рассказать – так слюньки закапают...
Одно слово – царская трапеза!
«А мастак, ты, Григорий Лукьянович,
В поварском-то деле хозяйничать!
Твой супец пивной – всем супам супец!
Да с горчичкой твоей, скуратовской!

Знаешь ты, чем меня порадовать! » –
Говорил царь опричнику Бельскому
По прозванию – Малюте Скуратову. –
Усладил ты меня, Малютушка...
Знатный повар ты – тут и спору нет!»
А опричник Григорий Лукьянович
Усмехался в усы да в бороду...
Да глазами недóбро щурился...
Трудно быть у царя в доверии!
Угождать ему да потворствовать!
Кто уж чем готов свое выслужить...
Кто как может – к трону цепляется...
Только нрав у царя – переменчивый!
Что затеет – кому же ведомо?
Кто в друзьях сейчас – те враги потом!
И такое – нередко делалось...
Тут Басманов, кравчий, вбежал к царю:
«Государь! Дело шибко важное!
К тебе там скоморохи просятся
Усладить хотят твою душеньку!
Песни-пляски тебе приготовили!
Только грязные, да заплátные...
Луком-хреном так провоняли все...
Да еще Кота на цепи ведут...
Как, велишь ли пущать, царь-батюшка?»
Тут царица, досель, молчавшая,
Покосилась на Басманова
И сказала ласковым голосом:
«А зачем же, Федор Лексеевич,
Нам тут грязные да заплátные?
Пусть помоются, да расчешутся,
А потом к царю и попросятся!
Нам смердítь тут совсем не надобно!
Что ты, Федька, за глупость выдумал?» –
И сверкнула княжна черкесская,
Что была крещена Мариєю
И царицею стала вѣнчанной
На Басманова взглядом огненным!

Только Федька-то ведь не рóбок был
И царице он так отвечивал:
«Хоть ты, матушка, и царица нам,
Только всё ж у царя – слово главное!
Как прикажет Иван Васильевич,
Так и сделаем мы, рабы его!»
Усмехнулся в усы Малютушка
(На Басманова зло сощурился)
И сказал царю тихим голосом:
«Государь! Ты реши сáм – пускать ли их,
Скоморохов тех да потешников,
Коль царице запах не нравится?»
«Если матушка-государыня
Всяким запахам так смущается,
Утирáльником пусть закроется!» –
И швырнул царь Иван Васильевич
Свой рушник, в царицу-черкешенку.
Но в долгу она не осталася –
И рушник тот обратно кинула:
«Обойдусь! Чай, не красна девица!
Не такое тут уже видела!»
«О! Вот это уже по-нашему!» –
Усмехнулся царь свет-Васильевич.
Это ж надо – какая бáбонька!
Всех за пояс заткнет опричников!
Наши девки – вон! – в теремах сидят...
Все пугливые да стыдливые...
А царица-то – в горах выросла!
Вольность вольная, смелость смелая!»
«Твоя правда, царь: очень смелая!» –
Подтвердил Григорий Лукьянович
(Сам на Федьку злобно поглядывал)
Царский шурина, что за столом сидел
Подивился сестрициной смелости!
Только не было в том нежданного:
Все ведь знали люди кремлёвские,
Что Басманов царю потворствовал...
И с царицей Федька соперничал –

Заменял её царю – в спальне...
Федька выгнул бровь соболиную,
На царицу взглянул насмешливо:
«Они, матушка, про любовь споют –
Скоморохи те да потешники!
Песня склáдная! Я уже слышал,
И тебе, может быть, понравится!» –
Поклонился он царю-батюшке
И сказал: «Государь, так вели пущáть?
Они, правда, с Котом на привязи...
Вдруг – нагадит зверюга подлая?
Срамотá ведь будет прилюдная...»
Тут поднялся Иван Васильевич
Руки в бо́ки упёр, нахмурился...
(За столами-то враз примолкли все!
Даже сам Григорий Лукьянович...)
И сказал Царь: «Кот тебе – не конь!
Ну, нагадит в углу по-тихому!
Вы-то сами тоже ведь гадите!
Эка невидаль! Пропустить кота!
Позови скоморохов, Федюнюшка!»
Тут царицыно бéло личико
Все от гнева сделалось красное...
Но перечить царю – не решилася...
Закусила губоньки алые...
И вошли они – скоморошеньки,
Царю-батюшке поклонилися!
Иван Грозный на прежнее место сел
Поглядел на друзей-потешников
И сказал им : «Люблю я народец ваш!
Сам я тоже горазд шутействовать!
Ну и что вы ко мне просилися?
Что у вас за песенка дивная?
Про любовь, что ли? Так, Федюнюшка?»
Поклонился Басманов Грозному:
«Про неё, государь, окаянную...»
«Ну, давайте, а мы слушаем!
И не жрать мне! Сидите тихо все!

Песню слушайте, да не чавкайте!»
Скоморохи опять поклонилися
(Онемели малость от страха-то...
Но потом свою песню заладили!)
Заиграли друзья-скоморошеньки
Как один скоморох – на дуде играл,
А второй скоморох – на трещётке!
Ну а третий играл – на гусельках!
Вот и песня их скоморошная
Про Опричника и Боярышню:
«Как сидела в терему красна девица,
Да глядела всё она из окошечка...
И увидела она добра молодца,
Добрый молодец тот на коне скакал!
Был тот молодец собою хорош-пригож!
И служил у царя он опричником!
Верной службою служил дни и ноченьки!
А девица-то была – дочь боярская!
Полюбился Опричник Боярышне
И не взвидела она свету белого!
Стал дороже он ей отца-матери,
Всё о нём одном ей мечталось,
Всё о нём одном она плакала!
Как-то раз на весёлой на ярмарке
Увидала девица любезного!
За красу её ненаглядную
Молодой ей Опричник халвы купил,
Ароматной, хивинской, рассыпчатой...
Только сел на коня Опричничек,
Как за повод она схватилась,
И при всей-то московской ярмарке
Про любовь свою объяснилася...
Сама в жёны ему набивалась,
Позабыла про честь свою дёвичью!
Только те слова её страстные
Оказались ему не по сердцу!
Отказался он засылать сватов,
Её в жёны брать – дочь боярскую!

А с Боярышней на той ярмарке
Три боярыни были вредные,
Разобиделись те боярыни,
Что Опричник им не купил халвы,
И дурное дело задумали!
И подбили они красну девицу
Возвести поклёп на Опричника,
Будто он на той самой ярмарке
Приставал бесстыдно к Боярышне!
А Боярышня, от кручинушки
Согласилась на дело подлое!
И пришли они с челобитною
К царю-батюшке на Опричника,
Всё наврали они, окаянные
На Опричника, добра молодца!
И сидит он в темнице да казни ждёт
За вину свою невиновную!»
Скоморохи песню закончили...
Изумился царь Иван Васильевич:
«Это что же у вас за песенка?
Она новая или старая?
Что-то я такую не слыхивал –
Про Опричника и Боярышню!»
Поклонились царю потешники:
«Песню ночью сложили, батюшка!
Всё в ней правда – до самой капельки!
Есть дружок у нас, наш защитничек,
Он служил тебе верой-правдою,
День и ночь служил – всё как надобно!
Вот о нём и сложили песенку –
Про Опричника и Боярышню!
Нет вины на нём – мы свидетели!
Три боярыни и Боярышня
Нас вчера на ярмарке видели!
Не взлюб́ились им наши песенки!
Да и Кот наш им был не по сердцу...
А Опричник нас защитил от них –
Вот они на него и взъёлися!

Да Боярышня подвернулася...
И пришли они с челобитною
Возвели поклѣп на Опричника!
Только нет, кроме нас свидетелей,
Чтоб сказать об том деле на ярмарке!
Ты и сам, чай, знаешь, царь-батюшка,
Что не любит народ опричников...»
«Да народу – ничтó не по сердцу!
Будь ты бесом, а будь ты Ангелом!
Я и сам народу – не нравлюся!
Только я ведь не красна девица...
Я есмь – царь!» – «Знаем, знаем, батюшка!
Потому и сложили песенку!
Хоть мы люди и многогрешные,
Скоморохи мы да потешники,
Хоть мы ходим по свету белому
И народ веселим на ярмарках,
Но мы тоже ведь – рабы Божии!
Умоляем тебя о милости:
Отпусти удалого Опричника!
Нет вины на нём! И на ярмарке
Не позорил он чести девичьей!
Это злые бабы придумали!
Отпусти его, царь наш батюшка!» –
На колени встали потешники,
Царю-батюшке поклонилися!
«Вот оно что... Какие бабы-то... –
Царь задумался да нахмурился. –
Ну, с боярами дело ясное!
Но раз нет вины на Опричнике,
Отпущу его, добра молодца!
И пусть служит он мне по-прежнему!»
Царь с улыбкой взглянул на кравчего:
«Прикажи привести Опричника!
Да не мешкай, быстрее, Федюнюшка!»
Из палаты Басманов выбежал...
Поднялися с колен потешники...
И опять царю поклонилися:

«Раз такая радость великая,
Ты позволь нам, Иван Васильевич,
Тебе песенку спеть весёлую!
А наш Котик спляшет вприсядочку!»
Удивился царь: «Кот плясать пойдёт?
Это ж надо! А ну, давайте-ка!»
Заиграли-запели потешники!
И пошёл тут Котик вприсядочку
Перед грозным царём выплясывать:
Он и лапками – по бокам себя,
Он и ушками водил в стороны,
И усы-то его топорщились,
Он похаживал да притоптывал,
Подмигнул самой государыне!
Рассмеялась царица-матушка,
Позабыла и про Басманова!
Стала хлопать Коту-затейнику:
Распотешил он её душеньку!
И дивились люди кремлёвские
На такое на чудо чудное,
Что в палатах Ивана Грозного
Серый Котик пляшет вприсядочку!
Распахнулася дверь под музыку –
И вошли Басманов с Опричником!
Скоморохи-то как увидели,
Даже песню свою оставили –
К благодетелю сразу кинулись!
Побежал и Котик к Опричнику!
«А ведь есть в мире дружба верная!
Даже завидно мне смотреть на них...» –
Иван Грозный вдруг призадумался... –
У меня-то вот нету таких друзей –
Всё льстецы кругом да изменщики...»
«Что ты, батюшка! Я ль не друг тебе?! –
Закричал тут Басманов Грозному.
Царь взглянул на Фёдора пристально:
«Ты-то? Ну, может, и друг, Федюнюшка...»
А опричник Григорий Лукьянович

Лишь зубами скрипнул... Но промолчал.
Поклонился Ивану Грозному
Молодой удалой Опричник:
«Государь! Вот, явился выслушать
Твою волю про эту ярмарку!
Как ты скажешь – пускай всё и будет так!
Но Боярышню не позорил я,
Хоть и нету про то свидетелей...»
«Вон, потешники за свидетелей!
Хоть немытые да заплátные,
Только верные оказались!
Как уж в Кремль-то пробрались они...
Да ко мне пробились с песенкой,
Про вину твою невиновную,
Что поклéп возвели боярыни...
Ну а я ведь люблю потешников!
Так что верю я этой песенке!
Вот тебе мое слово царское –
Отпускаю тебя, соколика!
И даю три дня на гуляние –
А потом – на службу – как надобно!
А с боярами – разберуся сам...»
«Государь! – поклонился Опричник, –
Я простил их! Не обижаюсь!
Что с них взять – они бабы глупые...
Скоморохи им не понравились...
А потом эти дуры жадные
Захотели халвы рассыпчатой,
А Боярышня... Бог с ней, батюшка!
Ум-то дéвичий – неразумен есмь...
Ну влюбилась... Бывает, мало ли...
На любовь – как можно обидеться?
Ну а что мне она не по сердцу –
В том не волен я ... Что ж поделать-то?
Пусть с другим она будет счастлива!
Пусть найдётся ей добрый мóлодец,
Пусть женой ему будет верною...
Мне ж – иное на свете надобно:

Я свою буду ждать зазнобушку,
Я свою буду ждать лебёдушку!
Может, где-нибудь в мире сыщется
Та, что будет моей единственной...»
«А Боярышню – я к себе возьму! –
Усмехнулся Иван Васильевич, –
Вон, царице нужна подруженька!
Так что место ей уготовано:
Хоровод водить, да и песни петь!
Не кручинься об этой девице...».
Побледнел Опричник от слов таких –
Знал он те хороводы царские –
Много знатных красивых девушек
По царёвой милости сгнуло...
«Государь! Прошу за Боярышню!
Ты посватай её как надобно,
Отыщи молодого боярина,
Чтоб собой пригож да разумен был!
Не нужны ей палаты царские –
Здесь и так – гляди-ка! – полно девиц!
Не солить же тебе их бочками!»
Посуровел царь да насупился:
«Это я уж, судáрик мой, сам решу –
Что мне делать с этой девíцею...
Ведь тебе же она – не по сердцу?
И не хочешь ты её в жёны взять,
Что же ты так об ней печалишься?
Ты бери-ка, соколик, дружков своих,
Да идите! А то передумаю!»
«Нет уж! Котик пускай останется!
Он мне будет плясать вприсядочку!» –
Закричала царица-черкешенка;
Кулачком по столу ударила!
Поклонились ей скоморошеньки:
«Ты прости нас, царица-матушка!
Но не будет Котик один плясать –
Он у нас научен под музыку...»
«Так и вы в Кремле оставайтесь!

Веселить нас будете песнями!
Полюбились вы да понравились!
Оставайтесь, скоморошеньки!» –
Им царица сказала ласково.
Поклонилися ей потешники:
«Не прогневайся, государыня!
Только мы ведь люди-то вольные –
Взаперти́ нам – какие песенки?
Да и слово мы дали Опричнику –
Он нас первым в дом взял... Не гневайся!
А захочется тебе песенок –
Ты пошли за нами к Опричнику!
Мы придём к тебе да споём тебе,
Ну а Котик – спляшет вприсядочку!»
«Пусть живут, где хотят, государыня!
Позовём, коли будет надобно!» –
Царь Иван брови сдвинул тёмные,
Посмотрел на царицу сумрачно:
Не держи, коль такие вольные!
И свои у нас есть потешники!
Отказали нам – это надо же!
Вон пошли! А то передумаю!» –
Погрозил он перстом компании.
Те откланялись царю-батюшке
Да скорей от него – на улицу!
Царь прищурился на Басманова:
«А смотри-ка, ведь не нагадил кот!
Вот что значит – зверюга учёная!
Как он тут нам плясал вприсядочку...
Аж царица, вон, зарумянилась,
А сперва всё смрада пугалась!
Не нагадил кот! Зверь с понятием.
Вот бы люди тайком не гадили,
Чтоб потом не трясти за шиворот...
Ты халвы мне достал, Федю́нюшка?»
Разыгралось на небе солнышко!
Разогнало хмурые тученьки!
Нет милее для сердца волюшки,

И друзей, что спасут в несчастье!
Из Кремля приятели выбрались...
Огляделись да отдышались:
Лучше вольным быть, чем в Кремле тужить!
От царя подале – спокойнее!
На Великом Тóрге, на площади –
Был собор большой – Покровá на Рву
В честь победы казанской памятный...
Расписной – как игрушка детская!
По-народному звался – Троицким...
И сказал Опричник потешникам:
«Вы спасли меня, скоморошеньки!
Сколь я буду жив – буду помнить вас
И молиться о вашем здравии!
Но на всё была – воля Божия!
Мы рабы его! Всюду длань его!
Человек без Бога – как крот во тьме:
Ничего он в мире не ведает!
Все мы Бога молим о помощи...
А при радости – редко молимся!»
И пошёл Опричник в тот Божий храм
Поделиться своею радостью –
И зажечь свечу пред иконою
Всех христиан на земле – Спасителя...
Скоморохи остались на площади –
В храм нельзя же – с Котом да с гуслиями!
Сняли шапки – перекрестились,
Поклонились собору дивному!
Котик смирно сидел – тихонечко,
Ожидая дружка-опричника...
Даже царь в Кремле похвалил его
За хорошее поведение.
А народу на Тóрге, на площади –
Всё-то видимо да невидимо!
Слободскіе всё, да посадские,
Всё купцы, да гости заморские!
Велика Москва – всем есть место в ней!
На добро она отзывается:

Ты служи Москве, ты люби её,
И тебе она станет – матушкой!
Вот из храма вышел Опричник
И сказал друзьям-распотёшникам:
«Царь три дня мне дал на гуляние –
Так пошли гулять, скоморо́шеньки!
Честно Господу помолилися,
А теперь не зазорно и выпить нам!»
Весь-то день-деньской в кабаке народ –
Кто-то – с горя, а кто-то – с радости!
Кто – от праздности да безделия,
Ну а кто – от рабóтной усталости...
Пьёт и пьёт народ! Пьёт московский люд!
Да и гости пить не чураются!
А срамные девки каба́цкие –
Хоть гоняли их – тут как тут опять!
Питиё да блуд – неразлучники!
Целовальник встречал Опричника
Скоморохов встречал и Котика!
И усаживал всю компанию
В место лучшее – за дубовый стол!
Посадил своих дорогих гостей –
На столе загремели ча́рочки!
Непотрѐбные девки кабацкие
Обступили кругом Опричника
Все готовы уж дать ...потискаться...
Кто – за чарочку, кто – за дѐнежку!
Улыбался девкам Опричник:
Чай, не в тереме с вышиванием!
Этим девкам сватов не надобно –
Усмирят ретивое мóлодцу!
Они многого не потребуют –
Не царевны и не боярышни!
А Боярышня – красна-девица
Не спала всю ночь – убивалася,
И рыдала перед иконою –
Перед образом Божьей Матери!
И просила она Заступницу

Сохранить и спасти Опричника
От несчастья и гибели!
А Опричник днесь – в кабаке гулял,
Веселился с продажными девками!
Не рыдай, не кручинься, девица...
Так уж видно – Богом положено:
Вся печаль и всё горе дёвичье –
По уда́лому дóбру мо́лодцу...
В кабаке, где сидел Опричник,
Серый Котик увидел Кошечку –
Она жмурилась и мурлыкала
На окошке, глядя на солнышко...
Котик серенький распушил усы,
И пошёл знакомиться с Кошечкой!
А была она – вся как снег бела!
Ни единого на ней пятнышка!
А Опричник после чарочки
Говорил друзьям-распотешникам:
«Может, бросить свою опричнину?
В скоморохи с вами податься, что ль?
Вы же вольные! Дом везде у вас,
Нет вам плётки и принуждения...».
Отвечали друзья потешники:
«Мы хоть вольные – да бездомные!
Нет у нас ни жён и ни детушек,
С песней-пляскою мы скитаемся,
Веселим мы народ на ярмарках,
Котик пляшет у нас вприсядочку...
И за то нас попы́ не жалуют,
И хоронят нас за оградою...
Нынче сыты, а завтра го́лодны –
То жара, то холод, то дождичек...
Вот такая жизнь скоморо́шная!
Только мы на неё не жа́лимся –
Нет другого нам дела по́ сердцу!
Скоморохи мы да потешники –
Душу мы веселим народную –
И другой нам жизни не надобно!»

Удалой Опричник задумался –
А потом вздохнул и махнул рукой:
«Погуляем, а после подумаем!
Распотешьте-ка, скоморошеньки,
Мою душеньку и людей вокруг!»
Заиграли-запели потешники –
Встрепенулся народ после чарочек!
Как один скоморох – на дуде играл,
А другой скоморох – на гусельках,
Ну а третий-то – на трещётке!
Им и пелось и плясалось!
Ходуном всё ходили чарочки!
Ходуном всё ходили лавочки!
И плясал народ, и плясал кабак!
Котик серенький – с белой Кошечкой!
«Три-татушки, три-та-та!
Вышла кошка за кота!
За Кота Котовича
За Петра Петровича!»
Подивись, народ небывальщине!
Подивись, народ, неслыхальщине!
Пой-пляши, моя скоморо́шина!
Веселись, моя распотёшинка!
Приба́утка моя да песенка!
Пляска русская молодецкая!
Распахнулась душа народная:
Нынче – весело, завтра – горестно!
Перемелется горе-горькое
И взойдет опять солнце красное!
Не покинь, Господь, своих детушек,
Отпусти грехи в церкви, батюшка!
Будем дальше жить,
Будем песни петь,
Да и в пляс пойдем,
Коль захочется!
Времена это были – давние!
Ничего с тех пор не осталось...
Только Кремль и Собор на площади,

Да высокое место Лобное!
И хранят они в своей памяти,
Всё, что прежде было поведано:
Про друзей скоморохов-потешников,
Про Опричника и Боярышню,
Про Царя Ивана Четвертого,
По прозванью народа – Грозного...
Вот и песня вся...
Вот и весь рассказ!
Будем дальше жить,
Будем здравствовать!

Отпев

Стой же, град Москóв, на семи холмах!
Крепко стой на века – незыблемо!
Никакие пусть злые вóроги
Покорить тебя не пытаются!
Пусть ни глад, ни мор, ни пожáрища,
Не нагрянут, ни разорение!
Иноземцы пусть удивляются
Красоте твоей да величию!
Ты, московский люд, береги свой град!
Привечай гостей со всей щедростью!
Чтоб гремела слава великая
По всему-то по свету белому
О тебе, Москóв, древний стольный град!
Дивный град Москóв на семи холмах!

9 февраля 2015 год, Москва

Примечания

Скоморохи – (скомрахи, глумцы, гусельники, игрецы, плясцы, весёлые люди) – странствующие актёры в Древней Руси, выступавшие как певцы, острословы, музыканты, исполнители сенок, дрессировщики, акробаты. Точного объяснения этимологии слова «скоморох» нет.

Скоморохи возникли не позже середины XI в. Расцвет скоморошества пришёлся на XV–XVII вв.

Скоморохи выступали на улицах и площадях, постоянно общались со зрителями, вовлекали их в своё представление.

В XVI–XVII вв. скоморохи начали объединяться в «ватаги». Церковь и государство обвиняло их в совершении разбоев: «скоморохи», совокупясь ватагами многими до 60, до 70 и до 100 человек, по деревням у крестьян «едят и пьют сильно и из клетей животы грабят и по дорогам людей разбивают». В то же время в устном поэтическом творчестве русского народа отсутствует образ скомороха-разбойника, грабящего простой народ.

Репертуар скоморохов состоял из шуточных песен, пьесок, социальных сатир («глум»), исполняемых в масках и «скоморошьем платье» под аккомпанемент гудка, гуслей, жалейки, домры, волынки, бубна, трещотки. За каждым персонажем был закреплён определённый характер и маска, которые не менялись годами.

В их творчестве была значительная доля сатиры, юмора, шутовства. В ходе представления скоморох напрямую общался с публикой и нередко представлял сатирическими персонажами купцов, воевод, представителей церкви.

Кроме общественных праздников, свадеб и родин, скоморохов, как знатоков традиций, приглашали и на похороны.

В 1648 и 1657 гг. архиепископ Никон добился царских указов о полном запрещении скоморошества, в которых говорилось о битье батогами скоморохов и их слушателей, уничтожении скоморошьего инвентаря. После этого «профессиональные» скоморохи исчезли, но традиции скоморошества сохранились в традиционной культуре восточных славян. Со временем скоморохи превратились в медвежатников, кукольников, ярмарочных увеселителей, балаганщиков.

Пословицы и поговорки:

- Всяк спляшет, да не так, как скоморох.

- Не учи плясать, я сам скоморох.
- У всякого скомороха свои погудки.
- Скоморохова жена всегда весела.
- Скоморох голос на гудке настроит, а житья своего не устроит.
- И скоморох ину пору плачет.
- Скоморох попу не товарищ.
- Бог дал попа, чёрт скомороха.

Опричник – человек, состоящий в рядах опричного войска, то есть гвардии, созданной Иваном Грозным в рамках его политической реформы в 1565 г.

Боярышня – дочь боярина, девушка из знатной семьи, принадлежавшей к высшему слою феодального общества в X–XVII вв. в Болгарии, Киевской Руси, Московском княжестве, Молдавском княжестве, Валахии, с XIV в. в Румынии.

Царь Иван Грозный – Иван IV Васильевич, первый русский царь (1530–1584 гг.). Происходил из московской ветви династии Рюриковичей.

Москов – древнее название Москвы.

Ярмарка – сезонная распродажа товаров одного или многих видов.

Это рынок, регулярно, периодически организуемый в традиционно определённом месте.

Торжище – торговая площадь. Во времена описываемых событий Красная площадь называлась Великим торгом.

В XVI в. площадь фактически состояла из трёх самостоятельных частей, отделённых друг от друга мощением улиц – Никольской, Ильинки и Варварки, идущих от главных ворот Кремля. Между ними на площади стояли небольшие лавки и церквушки. Торг был своеобразным «форумом» Москвы, где в оживленных толках и пересудах вырабатывалось общественное мнение, рождались слухи и вести, а также Торг оказывался свидетелем бурных политических событий.

Название «Красная «площадь Торга получила весной 1661 г. по указу царя Алексея Михайловича.

Боярыня – жена боярина.

Халва – («сладость») – восточный десерт, изготавливаемый из сахара, и орехов или семян. Слово используется для описания нескольких типов кондитерских изделий. Один из типов халвы основан на молотых семенах масличных культур. Другой тип основан на пшеничной муке или овощах.

Хивинская халва – халва, которую купцы привозили из города Хивы.

Хива – столица Хорезмского государства – Хорезма (Хивинского ханства (1512–1920 гг.)

Сваты – люди, принимающие участие в обряде сватовства.

Сватовство – обряд предложения женихом руки и сердца девушке при её родителях. Участвовать в сватовстве будущий жених мог либо непосредственно сам, либо посылая к родителям своей избранницы сватов. Как правило в состав делегации входили: родители жениха, ближайшие родственники, крёстные родители иногда близкие друзья.

Во времена описываемых событий сватами могли стать лица, обличенные высшей государственной властью, даже сам царь.

Челобитная – в России до начала XVIII в. индивидуальное или коллективное письменное прошение, при котором «челом били». Является предком современных заявлений.

Все челобитчики, приносившие челобитные на имя царя, должны были стоять у Красного крыльца Грановитой палаты. Челобитные собирали думные дьяки.

Челобитные (в отличие от других документов) отличались четко закрепленной формой, почти не отличавшихся с течением времени по всей стране.

Челобитная обычно начиналась с обращения к государю (челом бью, то есть – кланяюсь). Затем шла информация о просителе (причем существует мнение, что от положения в социальной иерархии зависел размер биографических сведений). Заканчивался документ обязательной формулой «руку приложил» и личной подписью.

На обратной стороне челобитной дьяк ставил дату, когда была подана челобитная и отмечал «доложить» или кратко записывал приказание по челобитной, данное царём или главой Челобитного приказа – личной канцелярии царя. Такой документ назывался «подписная челобитная».

Сюжет описываемых событий предполагает большую знатность боярынь и боярышни, в связи с чем их челобитная была удовлетворена очень быстро и они оказались допущены к царю.

Терем – в Древней Руси: высокий богатый дом с покатой крышей, с надворными постройками или жилое помещение в верхней части такого дома.

Чарочки – т.е. чарки.

Чарка – сосуд для питья крепких напитков, маленькая чара, иногда имеющая поддон или шаровидную ножку. Многообразные формы **чарок**, украшавшиеся чернью, эмальями или чеканкой, были характерны для русского быта XVII–XVIII вв.

Арабский скакун – лошадь, вывезенная с Аравийского полуострова, отличается великолепным экстерьером, изяществом и выносливостью. В России арабские лошади впервые появились в период царствования Ивана Грозного. Опричник, будучи на государственной хорошо оплачиваемой службе, имел прекрасного коня, как доказательство избранного положения. Конь был «статусным» транспортом и показателем дохода и привилегированности. Ходить пешком знатным и служивым людям того времени, тем более – опричникам – считалось зазорным, это делалось только в самых крайних случаях.

Григорий Лукьянович Бельский (Малюта Скуратов) (?–1573 г.) – русский государственный, военный и политический деятель, один из руководителей опричнины, думный боярин (с 1570 г.) Был прозван Малютой за свой малый рост. Прозвище «Скуратов» получил его отец – т.е. «скурат» – вытертая кожа, позднее оно перешло к сыну. Малюта имел оригинальное хобби – был превосходным поваром и часто готовил для Ивана Грозного. Известны несколько кулинарных рецептов, оставшихся от одного из самых жестоких опричников, имя которого наводило ужас на современников.

Лобное место – возвышение, окружённое каменной оградой на Красной площади, место для оглашения царских указов и других торжественных публичных мероприятий. Вопреки легендам, Лобное место не являлось обычным местом казни. Во времена правления Ивана Грозного это был помост из кирпича, позднее перестроенный в камне. В летописи оно впервые упоминается в 1549 г., когда двадцатилетний царь Иван Грозный держал с Лобного места речь перед народом, призывая к примирению враждующих бояр.

Княжна черкесская – вторая жена Ивана Грозного, царица Мария Темрюковна, княжна Кученей (1545–1569 гг), дочь кабардинского князя Темрюка (княжество на Северном Кавказе). В центре города Нальчик царице поставлен памятник.

Федор Алексеевич Басманов – (?–1571 г.) – опричник, фаворит и предполагаемый любовник царя (ок.1565–70 гг.). В 1566 г. получил чин кравчего.

Кравчий – придворный чин Русского государства. Он служил московскому государю в торжественных случаях за обеденным столом; в его ведении были стольники, подававшие кушанья. Кроме надзора за питьями и яствами, на кравчего возлагалась рассылка в торжественные дни кушаний и напитков с царского стола на дом боярам и другим чинам. В кравчие назначались члены наиболее знатных фамилий, как правило из шуринов или других родственников царя. В этой должности, считавшейся весьма почётной, они оставались не более 5 лет. Кравчие отвечали за стол и здоровье царя, а также за всю посуду, напитки, столовое убранство (скатерти, рушники, полотенца) и т.д.

Царский шурин – брат царицы Марии, Михаил Темрюкович Черкасский, Салтанкул (до 1540 – май 1571 гг.) – крещёный кабардинский мурза, воевода и опричник.

Посадские люди – люди, проживавшие в посаде. Сословие средневековой (феодальной) Руси, в обязанностях которого было нести тягло, то есть платить денежные и натуральные подати, а также выполнять многочисленные повинности. Посадское население являлось лично свободным, но государство, заинтересованное в исправном получении платежей, стремилось прикрепить тяглецов к посадам. Поэтому за самовольный уход из посада, даже за женитьбу на девушке из другого посада наказывали смертной казнью. При Иване Грозном посады имели свои выборные управления и суд.

Посад – подбёл – первоначально населённая область за пределами Кремля; та часть, которой город прирастал, где находилось торжище и ремесленные слободы.

Слободские люди – жители слободы.

Слобода – до XVIII века небольшой городской район со своим самоуправлением. В Москве слободы делились на дворцовые и казённые, чёрные, владычные, иноземческие и военные. В Кремле слобод не было.

Посад и слобода – На Руси посадом называлась торгово-ремесленная часть города, находящаяся за пределами городской стены. Слобода – это поселение, жители которого были освобождены от каких-либо налогов или повинностей. Различались черные и бе-

лые слободы. Жители черной слободы лично свободны и обязаны платить налоги только государству. Жители белой слободы жили на землях, принадлежавших боярину или церкви. Они также были лично свободны, но несли повинности в пользу владельца. В отличие от зависимых крестьян, жители белых слобод имели разные льготы и платили существенно ниже, а бывало, что и вообще ничего не платили определенное время. Слободы были ликвидированы в середине XVII века.

Собор Покрова на Рву – Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, также называемый Собор Василия Блаженного. Построен в 1561 г. по приказу Ивана Грозного в честь взятия Казани (1552 г.) и победе над Казанским ханством, которые произошли в праздник Покрова Пресвятой Богородицы. В 1588 г. к храму была пристроена церковь Василия Блаженного, которая и дала нынешнее название этому удивительному памятнику русского зодчества XVI века.

Храм символизирует собой Небесный Иерусалим, однако значение цветовой раскраски куполов и по сей день остается загадкой.

Кабак – питейное заведение. Иван Грозный запретил в Москве продавать водку, позволив пить её одним опричникам, и для их попок построил «на балчуге» (на топи) особый дом, названный Кабак. Кабак «на балчуге» полюбился царю, и из Москвы начали предписывать наместникам прекращать везде торговлю питьями, то есть корчму, и заводить «царевы кабаки» (ок. 1555 г.)

В царских, московских кабаках можно было пить только одним крестьянам и посадским; люди других сословий пили напитки у себя дома и имели право владеть кабаком (напр. духовенство и бояре).

Целовальник – управляющий кабаком, выбираемый преимущественно из торговых людей. С него брали записи, заставляли присягать и целовать крест, что не будет торговать негосударственной водкой. Доход шел в казну.

Девки кабацкие – проститутки, проводившие время в кабаке, где находили себе клиентов. Традиционными формами российского блуда были купля-продажа женского тела в кабаках, трактирах, корчмах и банях. Разврат в те времена юридически приравнивался к воровству и разбою, и проституция в России строго наказывалась: пойманных сводниц и «девок развратных, кабацких» пороли

кнутом на площадях. Но блуд процветал, несмотря на домострой и религиозные запреты. Спрос на продажное женское тело существовал всегда.

Предположительное время описываемых событий – ранняя осень 1568 г. Это был период массовых казней бояр и истребление целых боярских родов в Москве.

Справочная информация предоставлена Википедией и различными публикациями в интернете.

МАКСИМ КЛИМОВ

* * *

Азиатка-бариста –
Руки по локоть в тату.
Получается быстро
У нас заполнять пустоту.

Никаких обещаний,
Взаимный живой интерес.
Ураганных свиданий
Запущен стихийный процесс.

Под шифоном бордовым,
Волнуясь, вздымается грудь.
Искушениям новым
Открыт я, опасен мой путь.

Климов Максим Николаевич родился и живёт в Москве. Поэт, член Союза писателей России. Окончил МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского и Литературный институт имени А.М. Горького (семинар Валентина Сорокина). Поэтический дебют состоялся в 1998 году в газете «Комсомольская правда». Известен по публикациям в центральных и региональных изданиях («Юность», «Московский литератор», «Муза», «Седьмое небо», «Бунинские Озёрки» и др.). Автор книг стихов «Истоки помнить – быть сильнее», «Притяжение отчего края».

На локтях приподнявшись,
Смотрю на тебя со спины.
Беспокоит, закравшись,
Знакомое чувство вины.

* * *

Колдунья-ночь объяла мглою лес,
Мерцают звёзды тускло, еле-еле.
Слетают вниз на яростной метели
Стенания простуженных небес.

И слышится отчётливо порой
То звон цепей, то шелест бормотаний,
Звучат они потоком заклинаний,
Видения проносятся гурьбой.

Озлобленных ветров нестройный хор,
Храп лошадей, проклятия возницы,
Тревожных мыслей мчатся вереницы...
Одна надежда – постоянный двор.

Трепещет жёлтый лепесток свечи,
На потолке, на стенах пляшут тени.
Скрипят надрывно ветхие ступени,
Гремят замки, вращаются ключи.

Дубовый стол, шальные игроки,
Бокалы, карты, смятые банкноты,
Задорный смех, обидные остроты
И по плечу бесстыдные хлопки.

Разгорячённый спором и вином,
Поручик смерть торопит у барьера,
Но будет жить. Военная карьера
Весьма успешно сложится притом.

Творить улыбку – непосильный труд.
Купеческая дочь слезу роняет.
За старика сосватана, вздыхает.
Горька судьба, отцовский норов крут.

Колдунья-ночь объяла мглою лес,
Мерцают звёзды тускло, еле-еле.
Слетают вниз на яростной метели
Стенания простуженных небес.

* * *

Спелый август – пора проливных звездопадов,
Ржавой дробью рябин нашпигован сырой чернозём.
Разгораются астры внутри палисадов
И горят, полыхают себе разноцветным огнём.

За околицей осень стоит поджидает.
Отшумели, прошли и Медовый, и Яблочный Спас.
Помрачневшее небо река отражает,
Задремал у причала усталый, затихший баркас.

Вот стихи, из клеёнчатых старых тетрадей,
Ты послушай, пичуга, а я почитаю чуть-чуть,
Не робей, не таись посреди ярких прядей
Кучерявого клёна, прикрывшего впалую грудь.

Борщевик – истощённый старик у дороги,
Тянет тонкие руки, хватает осин медаки.
Беспощадное время подводит итоги,
Не уйти, не сбежать от объятий сезонной тоски.

РАИСА МАРТЫНОВА

Осень

Про осень многие писали
Прекрасных солнечных стихов.
Её красоты восхваляли,
Потратив много ярких слов.

Но есть ещё другая осень,
С промозглым ветром и дождём,
Где промелькнёт на небе просинь –
И снова чернота на нём.

Деревья голые понуро
Стоят под ветром и дождём.
И люди прячут лица хмуро,
Прикрыв их шляпой и плащом.

Холодный ветер лижет спину,
Срывает шляпу на ветру
И хлещет каплями лавину
Дождя колючего по лбу.

Мартынова Раиса родилась в 1933 году в г. Дмитровграде Ульяновской области. Образование высшее.

Специальность – «Энергетика промышленных предприятий». Место проживания – г. Москва, ГБУ ПВТ №1 (Государственное бюджетное учреждение – «Пансионат для ветеранов труда»).

Раздумье

Не бывает вечной молодости –
Заканчивается старостью она.
И не бывает вечной радости,
Бывает – горечи хлебнёшь до дна.

И жизнь становится больнее смерти,
В овчинку небо кажется тогда.
И съёжиться так хочется, поверьте!
И спрятаться от жизни иногда.

Но время лечит, говорят пророки.
Светлеет чернота лихих полос,
И унесёт крыло чёрной сороки
Накарканный тебе крутой откос.

И в небе снова засияет солнце,
Наполнится земля живым теплом,
Заглянет тёплый луч в твоё оконце,
И ты грустить забудешь о былом.

ВАСИЛИЙ МУРЗИН

* * *

Звёзды падают, будто с яблони
Яблоки.
Птицы, взъерошив кроны
Ёлок и сосен,
Озябли.
На болоте каркает ворон.
Это время, напоённое мёдом,
Ветер-бродяга, перебродивший
В брагу запах гречихи,
Уходит за огороды.
Наступает
осень.

Мурзин Василий – постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурса «ПОЭЗИЯ 2018-2019» Московской городской организации Союза писателей России. Автор коллективных сборников МГО СПР. Номинирован на премию VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

* * *

Like apples from a tree stars fall
Birds in the crowns of
Fir-trees and pines
Are cold.
Raven on a moor is croaking
alone.
This is the time of honey drunk,
And roving wind leaves the field
Making buckwheat in the odor of booze
sunk,
Moves away from the yield.
Here comes
Autumn!

* * *

Как ни старались, не погасили
Розовых всполохов люди в саду.
Как ни старалась – не позабыла
Ты, что к тебе я приду.
Весь обезлюбленный, злой,
Будто пустошь,
Весь как заброшенный сад.
Буду как розы, забытый
Как будто.
Ты не посмотришь назад.
Ты не посмотришь,
Ты не забудешь.
Будешь – не будешь?
Но только ли ток –
Бьёт лепестков шепоток!

No matter how hard they tried,
They could never put off rose flare in the garden,
No matter how hard you tried, you lacked
The power to forget that I'm coming back.
Devoid of loving, angry and mad
Like a desert of sand,
As a garden uncared
As flowers we forget,
As if
You will not look back
You will not
Forget
Whatever you get...
Not only current gives you a shock,
but whisper of flowers in their mock.

ОЛЕГ СТЫРТ

* * *

Тебя увидев, осознал
Я роль стиха как такового:
Мой взор тебя всю изучал,
Но часть осталась под покровом;

Невидимое уловить,
Дофантазировать орнамент
Способна лирика, что нить
Протягивает между нами.

Все встречи в памяти кручу,
Но с кем той памятью делиться?
В семье я о тебе молчу;
Нет друга, чтоб ему открыться.

Стырт Олег Григорьевич. Родился 22 декабря 1984 года в г. Омске. Окончил механико-математический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (2007). Кандидат физико-математических наук (2011). Место работы – МФТИ, должность – доцент.

С тобой, конечно же, дружу,
Но говорить не о тебе же.
Опять я к мысли прихожу
О том, что стих тут неизбежен.

На первый взгляд я понял лишь
Тот факт, что внешность совершенна,
Решил, что не заговоришь,
И любовался вожаделенно.

Заносчивость красивых дам
Стереотипом оказалась, –
Я в этом убедился сам,
Когда со мной ты пообщалась.

Ты обаятельна, мила
И спеси лишена бесцельной,
По-человечески светла
Вдобавок к красоте модельной.

В серьёзной жизни средь забот
Улыбка на лице кокетки
Нет-нет да в памяти всплывёт –
Такие случаи нередки:

Клип «Лиза» Губина; герой
В купе о песне вспоминает
В «Истории, почти смешной»; –
И мне тебя так не хватает.

Не брось мою судьбу, прошу,
Навек займи в ней место музы.
Я наскоро сейчас пишу –
Привык к недолговечным узам,

Но верю: это не про нас,
И не спугнёт тебя, конечно,
Весьма запутанный подчас
Мой стих, написанный поспешно.

14.08.20

* * *

В любимых женщинах ценить
Мы даже недочёты можем,
Но комплиментами хвалить
Ошибки не спешите всё же.

Наш слух не могут не ласкать
Слова, неточность есть в которых.
Но лучше свой восторг сдержать:
Они сочтут его укором

И станут верно говорить,
Безлико, как другие люди.
Изюминку искоренить
Легко, но впредь её не будет.

Примеры здесь не приведу,
Иначе опубликоваться
Не суждено сему труду,
Да и ошибки прекратятся.

25.08.20

СЕРГЕЙ ЧЕРНОГЛАЗКИН

Есенин

...Таким бы стихам голоситься,
Таким колоситься стихам –
Чтоб полные жара страницы
В июль одевали века.
Жила бы Россия живая,
Привольями красок горя,
Россия льняная, ржаная,
Пшеничная – в цвет янтаря.
Таким бы слагаться напевам,
Такому дыханью звенеть –
Чтоб небом объятому телу
Душой бы хотелось взлететь.
Чтоб было легко и не страшно
В тот самый негаданный миг,
Когда полоснёт вдруг рубашки
По горлу косой воротник...

Черноглазкин Сергей Юрьевич родился в 1964 году, проживает в городе Москве. Автор книг стихов и других публикаций. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов. Член Российского союза писателей.

С выражением

Улучшить ли стихотворение прочтением,
Какой-нибудь музыкой – ля-ля-ля-ля? –
Ведь самое главное в стихотворении –
Слова, что вниманья читателя для.

А музыка голоса, страсть интонации –
Они же вторичны, в них ветер один.
Они так сверкают, они так струятся –
Как волны поверх океанских глубин.

Они зажигаются солнцем и плещут.
Но что-то такое в них есть под конец,
Что кажется – было в словах этих меньше
Того, что донёс выразительный чтец.

Но это тогда, если стихотворение –
Такое, которое нужно «дожать»...
А если не нужно? А как же – Есенин,
Чей голос сверкал острою ножа?..

Лето-терапия

А ты подумай – как же хорошо!
А ты подумай – лето и Россия! –
Где свежий ветер – с силою «карсила»,
Что хочется кричать: ещё! Ещё! Ещё!
Но принимать её – не по часам,
Россию – и подкожно, и подвздошно –
А только так – единственно возможно,
А только так – когда созреешь сам –
Когда тебя накроет с головой
Огромное безудержное лето –
Пей полной мерой снадобье рассветов
И лоб студи прохладой ночной.
Какая жизнь средь русского дождя! –

Среди его магической свободы,
Какую ни на что не променять
Чужих краёв алхимии в угоду.
Россия – прирождённый терапевт
Души, что от бесплодья излечима, –
Мне летом говорит, что счастье есть! –
Так коротко и так красноречиво.

Русский вокал

Певица – тем она дороже нам,
Когда, всем звонким сердцем – русская,
Как море – лунною дорожкой,
Озарена своими чувствами.
Когда осенним спелым колосом –
Как бы во времена отцовские,
Налиты светом в красках голоса
Души сюжеты васнецовские.
Души сюжеты бесконечные,
Обертонами перевитые,
Понятные любому встречному –
Кто жизнь не на картинах видывал.
Кто знал любви и счастья – несколько,
Кто знал утрат и бед – поболее...
Кто знает силу звуков песенных –
Вдали от зала Консерватории...

Октябрины

Целебна осень и тиха –
Таблеткой счастья.
Иду, совсем не впопыхах,
Суров, бесстрастен.
Паденье желтого листа
Не беспокоит,
И – вахт горячих небеса
В простое.
Сгорает в солнце октября
Потребность в лете,
Иду, ни с кем не говоря,
Ни с кем на свете.
Как будто путая пути –
Уже – бессрочно,
Как будто выводя: «прости» –
Вслед многоточью.
Иду в бледнеющих лучах,
Где свет искрится –
Как белый снег, как прошлый страх
Пустой страницы.

2

проза

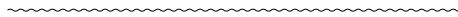

МИХАИЛ ГОРЕВ

Плацкарт

*Посвящение самой милой
неожиданной попутнице*

На улицах, видевших бакенбарды Пушкина и бороду Достоевского, только начинала пульсировать великой силы энергия ночного Петербурга. Сквозь приглушённый свет фонарей, свисающих с паутины проводов над асфальтом, сквозь лёгкую сумеречную морось летел экипаж такси, в котором сидел молодой поэт, спешивший на вокзал. Нет, он не опаздывал на поезд, до отправления его состава оставалось чуть больше часа, и у него не было совершенно никаких дел, которые нужно было бы уладить именно там. Он уже несколько раз задавал себе вполне закономерный вопрос: «Неужели мне так необходимо поскорее приехать на вокзал, вывалиться на перрон, погружённый в промозглость раннего марта, и стоять в пахнущей дымом вязкой полумгле?» Он не знал, но его чувствительная душа требовала именно этого запаха, этой мглы, этой мерзкой сырости, а поэт, как

Горев Михаил Дмитриевич родился в Москве в 2003 году, учится в 11 классе московской школы № 1502 «Энергия». Первое произведение написал в девятилетнем возрасте. Помимо литературы увлекается стрельбой из лука и историческими средневековыми боями. Мечтает нести в мир добро и свет через свои творения, т.к. считает искусство единственным способом передавать вселенскую любовь сквозь поколения.

человек высоко духовный и имеющий крайне тонкую организацию внутреннего мира, просто не мог оставить требование души без удовлетворения. Пожалуй... нет, совершенно точно, холодные воды Невы, отражающие низкое свинцовое небо, передавали поэту грудь настолько, что он уже не мог ни писать, ни даже думать о написании стихов. Единственным, что занимало его порядком воспалённый рассудок, были мысли о собственной ничтожности и смерти. Впрочем, для представителей его профессии это нормально – при любой представившейся возможности впадать в хандру. В какой-то момент душе порядком надоели унылые думы хозяина, и она решила, что всё, пора домой, прочь из этой серости. И теперь она гнала поэта на вокзал лишь с одной целью – поскорее дать ему вдохнуть пьянящий аромат дороги, который всегда вызывал в молодом человеке самые приятные чувства, главным из которых была надежда. И впрямь: любая дорога – это изменение, а любое изменение – это надежда на то, что изменится что-то в лучшую сторону, что предстоящая дорога ведёт в свет. Во всяком случае так считала душа поэта, а значит – и сам поэт.

Попросив водителя не делать крюк для заезда на стоянку, а остановиться в нескольких метрах от входа в здание вокзала, молодой человек расплатился и вышел из машины, неаккуратно хлопнув дверью. В лицо ударил ветер. Неповторимый петербургский ветер, который, несмотря на свою силу и способность пробираться до костей, нёс в себе что-то прекрасное. Быть может, аромат кофе из ближайшего кафе или свежесть залива. Никто не разгадает тайну этого чудного ветра, но и никто из тех, хоть раз прочувствовавших его на себе, никогда не забудет ни этого аромата, ни той музыки, что он дарит, заигрываясь в водосточных трубах.

Противясь стихии, поэт взошёл по гранитным ступеням и, отворив тяжёлую дубовую дверь, вошёл в здание вокзала. Несмотря на постепенно ужесточающийся карантин, людей было много. Одни громко, почти криком, разговаривали по телефонам с родственниками, извещая тех о своём скором прибытии, другие спали, утомлённые долгим ожиданием задерживающихся поездов, а кто-то даже читал, устало глядя на паршивого качества листы с дешёвыми историями дорожных детективов. Поэт присел на одно из немногочисленных мест, только что освобождённых какой-то дряхлой старушкой, схватившей свои пакеты и поспешившей на вскоре отправляющуюся электричку в сторону Гатчины. Он бросил взгляд на табло, но там не было нужного ему поезда, а лишь светились китайские иероглифы,

повествующие о поездах, ожидающих последних пассажиров, и приглашающие их к посадке.

Опустив глаза, поэт увидел следующую картину: перед пунктом досмотра толпились и кричали женщины, что-то бурно доказывающие друг другу, а в сторонке плакал маленький мальчик, удручённо глядя по сторонам и искренне не понимая причин крика и суеты толпы, в которой, вероятно, была и его мать. Разумеется, ему было странно и даже страшно видеть этого нежного и спокойного с ним человека волнующимся, разъярённым. Он плакал, а женщины продолжали кричать, махать руками и багроветь всё сильнее и сильнее. Поэт, хотевший занять свой взгляд хоть чем-то, кроме белого потолка, решил посмотреть, чем же эта непримечательная (казалось бы) история закончится. «Почему, – думал он, – почему мать не подойдёт к сыну и не успокоит его? Неужели ей так важно выяснить, кто кого задел в суматохе прохода через рамки, неужели несколько слов, брошенных ей какой-то соплячкой в белом полушубке, резанули её по сердцу сильнее плача собственного ребёнка?» Мальчик плакал тихо, не переходя порог истерики, временами всхлипывая и вытирая текущий нос рукавчиком жёлто-чёрной куртки. Наконец, вероятно, насытившись бесцельностью и бестолковостью спора, женщина лет сорока пяти в длинном иссиня-чёрном плаще подошла, мерно выстукивая каблуками по мраморному полу, к мальчику и взяла его за руку. Поэт ожидал увидеть утешающие объятия, поглаживания по голове, поцелуй в лоб, но ничего этого не последовало. Женщина просто взяла мальчика за руку и увлекла за собой на перрон. Хотя молодой человек и находил произошедшее странным, он быстро отвлёкся и, утомлённый уходящим днём, задремал. Дремать, однако, ему пришлось недолго. Буквально через двадцать минут объявили прибытие его поезда – и он, не мешкая ни секунды, отправился на платформу. Контроль безопасности поэт прошёл быстро, благо вещей, в свойственной ему манере, он с собой много не взял: весь его нехитрый скарб умещался в небольшой рюкзачок.

Уже по внешнему виду стало ясно, что вагон старого образца. Хотя это было не так важно, ведь ему предстояло провести в нём всего одну ночь. «Как быстро люди набежали», – подумал он, вставая в конец приличной длины очереди. Из трубы, нервически трепыхаясь, вырывался слабый дым и наполнял воздух перрона нетипичным для города ароматом. Дверь вагона была закрыта, однако в небольшое овальное окошко была отчётливо видна пухленькая девушка-про-

водник, что-то весело обсуждавшая с напарницей, стоявшей около служебного купе и невидимой для глаз. Сквозь очередь пронеслась волна негодования, вызванная стоянием во влажной прохладе ночи и близостью, но в то же время недосыгаемостью тепла. Он не терпел подобных возмущений, ибо они ничего не могли изменить, а значит – не должны были существовать в силу своей бесцельности.

Он сидел. Сидел на своём месте, упёршись лбом в холодное стекло. Ни о чём не думая, ничего не желая. Ему было достаточно обрётённого враз спокойствия и надежды на свет в конце предстоящей дороги. Во всём вагоне текла обыкновенная плацкартная жизнь, кто-то уже расчехлял запасы провизии, кто-то готовился ко сну, а в начале вагона большая группа детей, развлекающая себя игрой в карты, готовилась к бессонной ночи. Он сидел, увлечённый тёмно-синим небом с невидимыми из-за огней города звёздами. Он знал, что они, эти маленькие точки, на месте, хотя не видел их. «Да, определённо они там, иначе и быть не может. Они там, чтобы дарить страждущим радость», – думал поэт.

За пять минут до отправления поезда покой поэта нарушила его соседка по верхней полке, подошедшая в компании молодого человека, тащившего её вещи.

– Вам помочь? – незамедлительно поинтересовался поэт.

– Нет-нет, спасибо, если мне будет нужно – я попрошу, – мягко улыбнулась она.

Он не придавал никакого значения властному и немного ироничному тону девушки, ибо весь разум его был поглощён построением теорий насчёт статуса провожавшего по отношению к ней. Будучи крайне влюбчивым, что, впрочем, абсолютно нормально для поэта, он моментально разглядел в случайной попутчице объект обожания и сделал своей целью скорейшее и как можно более близкое с ней знакомство.

Поэт подумал, что поезд, стоявший на соседнем пути, тронулся, но, почувствовав лёгкий толчок, он понял, что наконец-таки едут они. В вагоне дали полный свет, что делало неудобным рассматривание ночных пейзажей в окне, поэтому молодой человек, оторвавшись от стекла, взял лежавший подле него на столе томик Куприна и тупо, не собираясь читать, уставился в текст «Гранатового браслета». Он оказался в одном из самых противных для самого себя состояний, когда всё его тело обмякало, рассудок затуманивался, а он пребывал в прострации, одновременно охватывая размышлениями всё, но в

то же время не сосредотачиваясь хоть на чём-то, чтобы внести ясность в свои думы. Вследствие потери контроля над собой поэт и не заметил, как отложил в сторону бесполезную в тот момент книгу и уставился своими глубокими каре-зелёными глазами прямоком на девушку, созерцавшую в тот момент уплывающие в тьму берёзы и сосны. При этом на лице его изобразилась столь идиотская улыбка, что даже самые близкие друзья творца сочли бы его спятившим, увидев подобной формы изгиб губ на приятном лице.

Она, видимо, почувствовав на себе этот пристальный, но пустой взгляд, оторвалась от стекла, обратив свои правильной формы серые глаза, и по-детски искренне рассмеялась, заметив убогую улыбку поэта.

– Что? – удивлённо спросила девушка, немного успокоившись.

Он, помолчав с минуту, сделал отрицательное движение головой и, убрав улыбку, выдал не очень убедительное «ничего».

– Да? Ну хорошо, – она тоже убрала ухмылку, и её лицо приобрело серьёзный, даже настороженный вид.

Она, очевидно, не верила в то, что всё «хорошо», ведь обычно на попутчиков не смотрят так, как делал это незнакомый парень с вполне симпатичным лицом и влажными глазами.

Он заметил неуверенность в голосе соседки и тут же принял решение незамедлительно начать свой путь к её расположению – и не прогадал. Нарочито неловко оправдавшись за свою недавнюю улыбку, поэт завёл разговор о достоинствах творчества Куприна. Казалось бы, весьма странная тема для первого разговора, но творческие люди, как известно, отличаются нестандартностью мышления, что проявляется в самых разных жизненных ситуациях. Впрочем, тема, выбранная поэтом, несмотря на свою необычность, оказалась достаточно близкой для девушки, ведь, как выяснилось, она тоже была поклонницей творчества Александра Ивановича, вследствие чего беседа велась скоро и в меру непринуждённо, без перехода, однако, в бессвязное месиво слов.

Основное освещение отключили, так что теперь он едва мог улавливать тонкую мимику её аккуратного и даже красивого лица. И только блестящие в свете редких фонарей, мелькавших за окном, глаза отчётливо выражали восторженность и, как ему казалось, лёгкую влюблённость их владелицы. Хотя, может, это было ошибочное ощущение. Ещё строго были видны очертания пышных русых волн, спускавшихся чуть ниже обманчиво-хрупких плеч. Нельзя не признать, что вообще вся новая знакомая была какой-то неоднозначной,

странной, но поэт не понимал, что именно делало её таковой. Быть может, постоянная лёгкая улыбка, выбивающая в щеках весьма и весьма милые ямочки, а может, обнажённые благодаря футболке тонкие в запястьях руки с маленькими ладонями и тонкими пальцами. Нет, для него объяснение этого факта было и непонятным и, в сущности, совершенно ненужным.

Он почувствовал лёгкое прикосновение в области бедра. Инстинктивно одёрнув ногу и опустив глаза вниз, он увидел её ноги, вытянутые под ещё не опущенным столиком, выполнявшим и функцию серединной секции полки. Это было крайне неожиданно, но вопросов он решил не задавать, равно как и не выказывать своего удивления в связи с произошедшим. Стучали колёса. Позади оставались полустанки, леса, поля, время. Да, время таяло на глазах, но ни он, ни она свои глаза на это самое время не поднимали. Им было хорошо.

Где-то к трём часам ночи обоих потянуло в сон, но они не хотели расставаться, понимая, что как только они уснут, незаметно наступит утро, а вместе с ним и конец пути. Они сойдут на перрон, каждый окунётся в свою привычную жизнь; скорее всего – ни поэт, ни девушка не найдут в океане рутины достаточного для встречи и приятной беседы времени. И они сидели, наслаждаясь друг другом, огороженные от внешнего пространства стенками и закалёнными стёклами вагона. Вне времени. Вне мира.

Спустя ещё час усталость всё же взяла верх над ними. Она сказала, что ужасно хочет спать, но постель застелить не успела, полностью отдавшись разговору. Он, посчитав предложение остаться «у него» слишком пошлым продолжением столь красивой ночной беседы, молча встал и, надорвав пакет с комплектом постельного белья и вытащив его содержимое, аккуратно обустроил верхнюю полку для сна. Девушка ещё немного посидела, укутавшись в его плед, а затем, сонно попрощавшись, залезла к себе и быстро уснула. Поэт ещё немного посидел, глядя на тёмное небо, с уже ясно виднеющимися на нём звёздами, и, застелив собственную полку, отдался в руки Морфею.

Утром они просыпались тяжело. Только услышав слова проводника о том, что «Москва через 10 минут», – и девушка, и поэт вскочили с полок и, наспех собрав постели и отнеся их в служебное купе, сели в ожидании прибытия. Ждали они, правда, недолго. Но ему хватило времени, чтобы получше рассмотреть все утончённые и крайне изящные черты её лица. Нет, наверное, по меркам моделей, чьи фотографии часто мелькают в модных журналах, она не была

красавицей, но её средней толщины брови, длинные ресницы, не тронутые косметикой, правильный нос, ямочка на подбородке, – словом, детали делали её лицо чрезвычайно привлекательным. Теперь, когда она писала маме о своём приезде, смотря в экран телефона, он наслаждался статичной красотой своей случайной попутчицы. Да, она была прекрасна и ночью, когда на её лице играли эмоции, пусть и плохо различимые в темноте, и сейчас, когда все мимические мышцы были расслаблены. Он искренне наслаждался красотой в последние минуты перед прибытием.

Они сошли с поезда на влажный асфальт платформы. Всю дорогу до выхода из вокзала шли молча. Выйдя через дубовые двери, они немного прошли по привокзальной площади, решили проститься. Обменявшись короткими прощаниями, каждый пошёл в свою сторону – она в метро, а он на такси, уже ожидавшее его.

В небе, на фоне персикового рассвета, бледнели исчезающая луна и остатки звёзд. Лёгкий весенний ветерок играл с юными ветвями деревьев, на которых начинали набухать почки. Город, по праву называющийся златоглавым, просыпался. По улицам, облитым тёплым дождём, летел экипаж такси, в котором сидел молодой поэт. Счастливый и вдохновлённый поэт, который нашёл свет не только в конце, но и на всём протяжении своего недолгого пути.

Крыша

Опьянённые терпким воздухом поздней весны воробьи, перебивая друг друга, кричали где-то внизу, в ветвях огромного тополя, растущего посреди двора. Поэт сидел на крыше сталинской девятиэтажки, расположенной недалеко от Патриарших, и, приоткрыв рот, наслаждался персиковым небом и низкими облаками, заслонявшими закатившееся за горизонт солнце. Лёгкий ветерок трепал его чёлку, а ноги, уставшие от долгой прогулки и теперь свисающие с края крыши, приятно ныли. На чердаке, выход из которого был прямо за спиной поэта, вполголоса разговаривали о чём-то его друзья, выпившие изрядно вина и размякшие из-за нехватки воздуха. Помимо неопишуемого восторга от наблюдаемой красоты, поэта наполняло чувство ненужности в их компании, одно из самых глупых и нелепых чувств, от которого ему обыкновенно становилось тоскливо. Но не в этот раз, слишком уж

хороша была атмосфера майского вечера, слишком приятно шуршали шины проезжающих внизу машин, слишком плавно двигался воздух, слишком нежным был цвет неба. С крыши открывалась прекрасная панорама центра, постепенно съедаемого волной лениво зажигающихся огней. Что-то «проскрябало» позади поэта – и на ещё тёплом металле козырька вентиляционного выхода вальяжно развалился, щуря огромные глаза, пушистый рыжий кот. Молодой человек втащил ноги на крышу и лёг на её скат, выпрямившись и полностью отдаваясь томности окружающей действительности. По телу разлилась истома, и поэт понял, что вставать он не намерен как минимум до утра. Ему совершенно незачем было вставать, ведь друзья наверняка останутся ночевать тут же – на чердаке. Пары разбредутся по дальним укромным уголкам, чтобы, обнявшись, предаться сну на пусть и не самом чистом, зато мягком утеплителе, а одинокие же продолжают спорить о театрах, поэзии и ещё о чём-нибудь, в чём смыслят немного, но достаточно для уверенных споров, уничтожая остатки вина. Так как поэт был одинок, а дискутировать ему совершенно не хотелось, – он принял решение провести ночь на крыше, переживая волшебное состояние души, так хорошо известное каждому, кто хоть раз, наплевав на здоровый сон, выходил после заката на улицу и вдыхал свежий воздух, смотрел на жёлтый свет фонарей, слушал приближающийся и отдаляющийся шум редко проезжающих мимо машин.

Горизонт в последний раз осветился запоздалым лучом солнца и погас. Ночь наконец вступила в свои права, и луна отразилась холодным блеском в зрачках поэта. Кот, утопив голову в мягкой и густой шерсти собственного живота, сопел, время от времени вздрагивая и ведя ухом. Воробьи внизу лениво обменивались последними выкриками и разлетались по гнёздам, выпархивая из кроны старого тополя. Хлопнула и зазвенела стеклом дверь балкона дома напротив, до поэта донёсся аромат дешёвого табака, и хотя молодой человек не любил этот резкий запах –сейчас он не был противен ему, а даже наоборот – он приятно дополнял атмосферу этой ночи.

Поэт закрыл глаза, и в темноте сомкнутых век отпечатались яркие точки звёзд и огромный диск луны. Он вспомнил сравнение луны с сыром из одной детской сказки, что читала ему когда-то давно бабушка, и нашёл его весьма точным. «Странно, почему я сам не додумался до такой параллели?» – подумал молодой человек. Он вообще любил задавать самому себе этот вопрос, всякий раз оставляя его без ответа. Да, честно говоря, ответ и не был целью. Главным желанием поэта было

признание самим собой собственной творческой состоятельности, того, что и он может красиво играть со словами. Это желание довольно прочно прижилось в творце, из-за чего каждый стих был не столько изливанием души, неким самородком, сколько шикарно выделанным оттиском чувств и переживаний великих поэтов, живших ранее. Как-то раз он прочитал высказывание Матисса о том, что искусство – это всегда либо плагиат, либо революция, и, подумав над этой мыслью, пришёл к выводу о невозможности совершения революции без умения копировать нечто уже существующее. С той поры поэт неустанно трудился, стараясь придать каким-то из своих произведений звонкость Есенина, а каким-то – рубленую красоту Маяковского. Таким образом он и получал одобрение публики, и утверждался в мысли о наличии у него той самой «состоятельности», и находил в высказывании Матисса оправдание способов, которыми это самоутверждение добывалось.

На лбу поэта мелькнула и тут же растаяла складочка. Кот потянулся, «шкрябнув» коготками по металлу, зевнул и, вновь свернувшись, заснул. Внизу, по Большой Садовой, шла шумная компания молодых людей, наперебой декламировавших что-то из серебряного века, и эта музыка пьяных голосов ласкала слух поэта тёплым шершавым языком. Небольшое невесть откуда взявшееся облако заслонило луну, и он открыл глаза. Поэт сел, обхватив колени руками. Вдалеке горели шпили «Украины» и высотки на Баррикадной, слева темнел квадрат Патриарших, по улице шуршали шины запоздалых машин. Крыша остыла, а ветер, всё ещё игриво веющий с Запада, перестал приносить с собой тепло. Становилось прохладно. По оголённым рукам поэта пробежали мурашки, он вздрогнул.

Что-то плавно коснулось его волос, а на щею отпечатался влажный след губ. Пахнуло белым вином, стариной и пылью. Справа от него присела светловолосая девушка, вероятно, знакомая поэту, иначе он не воспринял бы так спокойно её приход и этот короткий, но нежный поцелуй. Однако он решительно не помнил, где и как они с этой девушкой познакомились и когда последний раз виделись до этой ночи. Но было в ней что-то умиротворяющее, да и томность недавно погибшего вечера ещё не отпустила молодого творца, так что он не стал предаваться воспоминаниям или задавать какие-то вопросы, а продолжил сидеть, вслушиваясь в аромат тишины.

Девушка, немного подождав и отойдя от духоты чердака, подвинулась ближе к поэту, заправляя непослушные волосы за ухо. Кот

встрепенулся, недовольно зашипел, оголяя маленькие иглы клыков, и, спрыгнув с козырька, скрылся за изгибом крыши.

Маленькая холодная ладонь, покрытая паутинками тонких вен, бегло коснулась руки поэта, и он, неожиданно для себя разжав пальцы, сомкнутые в замок на коленях, обнял девушку, притягивая с нежным давлением её хрупкий силуэт к себе.

– Ты знаешь, что они обсуждали, когда ты ушёл? – девушка положила голову ему на плечо, и он чувствовал, как сокращаются её мимические мышцы.

– М? – безразлично выдавил из себя звук поэт.

– Я понимаю, что тебе плевать на то, что они думают, ведь они «жалкие черви, выгрызающие дыры в теле поэзии», как ты говоришь, однако это сейчас совершенно неважно... и отбрось, пожалуйста, эту никчёмную ухмылку, она тебе не идёт.

Он почувствовал её улыбку и снова вздрогнул. Холодало.

– И к чему же тогда ты мне говоришь об этом? – поэт послушался совета и вернул губам непринуждённую форму.

– А к тому, – девушка наигранно состроила обидевшуюся гримасу, – к тому, что есть у меня к тебе один вопрос.

Она понизила тон и почти шёпотом продолжала:

– Вопрос, чтобы не томить, в следующем. Ты действительно чувствуешь то, о чём пишешь? Просто порой мне кажется, хотя, может быть, мне это действительно только кажется, что ты не переживаешь и не видишь всего того, что находит место на строках твоих стихов, в метафорах, которые ты используешь.

Поэт, ненадолго задумавшись, почувствовал, как тяжело поддаётся движению язык и как робко замирает дыхание.

– Не знаю, но я точно могу сказать, что верю в каждый звук своего стиха.

– Что ж, неплохо, – девушка встала, отведя руку поэта от талии. – Ну, не скучай, – фраза эта зазвенела серебряным колокольчиком в ушах поэта, хоть и произнесла она её так же тихо, как и вопрос.

Она скрылась в душном нутре чердака, шелестя летним платьем, даже не обернувшись на прощанье, не проронив боле ни единого слова.

Огромный рыжий кот, нагулявшийся по скучной крыше, вернулся и улёгся на уже успевший остыть козырёк. Поэт сидел, обхватив колени, и вглядывался в окно балкона дома напротив, в котором отражалась вновь свободная огромная сырная голова.

ТАТЬЯНА ЛЕТНЕВА

~~~~~

Татьяна Летнева (Абрамова Татьяна Александровна) – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, Московского Литературного фонда, члена Клуба писателей ЦДЛ, действительный член Академии российской литературы, член Союза писателей Северной Америки, постоянный автор сетевой литературы, участник литобъединений и проектов, литературных студий.

Татьяна Летнева – автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Куликовы были», «Многообразие любви...», «Метаморфозы нежности», «Перекрёсток душ и тел», «Неиспитое вино», «Ночью все кошки черны». Продолжает работать в жанре переплетений рифмованной и нерифмованной поэзии, стихотворений в прозе.

За книгу «Многообразие любви» (М., «Академия», 2012) получила звание лауреата конкурса «Лучшая книга 2011–2013» с вручением медали им. А.П. Чехова.

За книгу «Метаморфозы нежности» (М., «Академия», 2014) автор награждён нагрудным знаком «Серебряный крест».

За книгу «Прикосновение к сказке» (М., МГО СП России, НП «Литературная республика», 2016) Татьяна Летнева получила отличительный знак «Заслуженный писатель».

На её стихи написано 25 песен композитором Александром Севериловым, которые исполняются солисткой Natali Queen (Наташей Королевой).

Издан аудиодиск «Избранная лирика» к книге «Перекрёсток душ и тел». Это литературно-музыкальная композиция чередующегося мужского и женского чтения любовной лирики в исполнении самого автора, поэта Татьяны Летневой, и барда, актёра Владимира Мирзы.

Кружит черёмух дурман

Хлопьями снега,
Белым дождём лепестков
Выпали звёзды.

Ветер прохлады
Кружит черёмух дурман
Запахом сладким.

Скоро уйдут холода –
Весень считает.
Дикая вишня зимы
Так расцветает.

только тихой любовью никогда не умру

«**С**о мною рядом шёл и говорил Есенин... соединяя сердцем невидимую тонкость граней ... с любовью к моей Тане...» из неопубликованного прошлого... Памяти С. Есенина

На ладонях Вселенной на нас смотрит Есенин... слов души его тени... оживают из тленья... огнём танца, словесным, откровеньем чудесным, вдохновенья дыханьем ... на безбрежье небесном...

Он шептал на ветру... *только тихой любовью никогда не умру...*

Флибустьер и художник, капитан, волк морской, мальчуган, грустный мальчик, прилетевший домой, акварельный затейник и земной – неземной, хулиган и отшельник закружил в небе синем рдяно-рыжей красой.

Строчкой памяти светлой предложил танцевать и ветрами ненастья в бесконечность влюблять. Кистью слов – ожерельем малевал – вот кураж – окунал в беспредельность сон – реальность – мираж. Собирал круг фантазий, оживлял чудеса, согревал без камина, звёзд, огненных, лавиной, жемчугами, как клином, птиц соцветий, дюжин стаями метил, грустным росчерком пленниц, как горящих поленниц, гроздьё ягод рябин рисовал.

Только сердцем, душою разливал синь морей, а в глазах слёз слияньем, полутенью зверей, округлял безысходность, уносил

грусть, тоску и острейшим мгновением сад предзимний, осенний согривал на ветру.

Бахромою седою небеса расписал, воздух жаркой прохлады вновь листвою закидал. Серебристой, как иней, и изящностью линий он узорил взхлёб, лоб горами морщил...

Наважденьем, стараньем и мороза дыханьем в рыжей осени страстной вновь разлил синеокость, бесконечность морей, васильковость, масштабность, разнотравье полей, бесконечную россыпь, звёздно-синюю грусть... в них словами и сердцем пожелал утонуть...

Вдохновенье рассыпал и шептал на ветру... *только тихой любовью никогда не умру...*

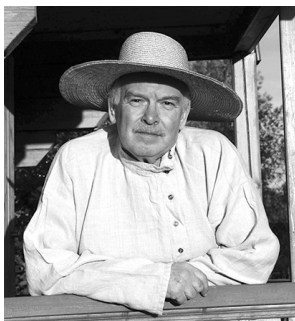
Почему вдох как птица? Крыльев взмах наяву... Дрожь желанья клубится и туман на ветру, почему дух полёта как мираж, а не явь? Мир живых, мир ушедших переплыть надо вплавь... Ты границу раздела не разделишь теперь... Мир Вселенной огромен, в ней от космоса дверь.

Синь морей синюю неба разводил на земле, вездесущность лавиной затвердел и в песке. Акварельный затейник и земной – неземной, хулиган и художник удивлял красотой.

Листья, сонно кружащие, заставлял поспешить, страстью памяти прежней без конца ворожил, словом чувств настоящих поражал, возрождал и Любовью бескрайней, глубиной изумлял...

На ладонях Вселенной на нас смотрит Есенин... слов души его тени... оживают из тленья... огнём танца, словесным, откровеньем чудесным, вдохновенья дыханьем... на безбрежье небесном...

Он шептал на ветру... *только тихой любовью никогда не умру...*

НИКОЛАЙ НИЗИЕНКО

Маленькие истории артиста Большого театра

Откровение

В своих работах я подробно описал принципы работы над вокальным произведением. Тщательное, детальное изучение каждого такта произведения гениальных авторов, которых мы исполняем. Обязательное изучение исторических документов, если мы касаемся таких опер, как «Борис Годунов», «Царская невеста», «Симон Бокканегра», «Аида», и многих других. Всё это описано, всё это изучено, учтён опыт великих певцов, таких как Ф. Шаляпин, А. Нежданова, Е. Образцова, И. Архипова. И после всего этого, то есть гигантской работы, проделанной вами, вас не поняли!? Не приняли!? Чего вы не смогли преодолеть? Голос прекрасный, техника безупречна, внешность соответствует... Чего? Что ещё надо, думаете вы, мучаетесь и страдаете. Я сам мучился и страдал, ночами не спал. Ангел прилетел и шепнул на ухо истину: всё, чем я занимался, стараясь постичь и обрести «шкуру» героя, исполняемого мною, имеет суть внешнего просвещения. Изучая, познавая его поведение, анализируя поступки, я нисколько не понимал состояния и потребностей его души, его

Низиенко Николай Филиппович — солист оперы Государственного Академического Большого театра России (бас), заслуженный артист РСФСР, учёное звание — доцент; член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей РФ.

чувств и переживаний. «Музыка... Тончайшая материя, говорящая напрямую с душой человека» (Олег Рой), и поэтому вибрации души певца и исполняемого им сочинения должны совпадать! Изучая и усваивая огромное количество знаний, так, как нас учили наши учителя, мы делаем всё это механически, задействовав лишь память и ум. Душа же наша остаётся холодна и не встревожена. Учителя нам об этом, конечно же, тоже говорили, но мы были слишком озабочены техническими проблемами. Вывод совершенно очевиден: подход к постижению исполнительских решений вокального материала – это изучение не только внешних сторон произведения, но и проникновение в самую суть, сердцевину его истины. Да, это аксиома! Но как этого достичь? Точно знаю одно: необходимо обладать навыками концентрации ума и воли, способностью преодолевать физические и психологические зажимы, а главное, необходимо умение достичь особого состояния вашей души. «Душу надо расковать, потому что у души есть свои земля и небо» (Эдуард Балашов). Есть певцы, которым это подвластно. Их немного, но они появляются, и мы зовём их гениями. У них, конечно же, блестящая исполнительская техника и много других достоинств, но не это главное. Я понимаю, в чём их притягательная магия.

«Иисус сказал: «От избытка сердца говорят уста» (Евангелие от Матфея). Да! Да! Да! От избытка чувств, открытости души, добрых дел и намерений, искренности и любви рождается творец, гений, магнит «человеков»! Вникая в суть сочинения с любовью, горячим сердцем и чистыми помыслами, Вы сможете достичь истинных исполнительских высот, затронуть и покорить сердца слушающих Вас. Следовательно, необходимо постоянно заниматься самоусовершенствованием, духовно очищаться, обновляться. Искреннее внутреннее перерождение, когда изменяются все представления о жизни и окружающем мире, приводит к радостному и светлому восприятию мира! Всё это даёт человеку сердце, душа и Бог! Необходимо только достучаться до него. «Жизнь человека без веры – жизнь животного», – утверждает Лев Толстой, и, прожив большую творческую жизнь, я полностью согласен с ним! Размышляя, сомневаясь, вспоминая и анализируя пройденный путь, я понял, что только внутреннее духовное очищение истинно и верно, и именно это поможет стать Вам настоящим творцом! Люди услышат, поверят и пойдут за вами!

* * *

Я стою на мосту. Рядом – Эдвард Мунк. Под нами бушующий океан жизни. Над нами огненный смерч страстей человеческих. Существо в крике – это Мунка гениальная душа вопиет. Но это и мой крик! Пронзительный, голосовой, очень высокий и тревожный, где-то во второй октаве из моей души рвущийся! И проснулся я в этом крике и записал для вас мысли и чувства, поразившие меня и вытекшие из руки моей на бумагу!

Крик

Разум мой в печали. Силы потаённые чую. Энергией заряжен. От избытка чахну, и нет предложения, и не возмогу отдати... А оттого бессмысленным себя ощущаю. А много знать имею, одарить мечтаю, а никто брать не хочет. Не желают воспринять через меня дар Божий. Есть его у меня много. Возьмите, возьмите, люди праведные, но умом замутнённые, не видящие истинного блага своего. Заключается во мне оно – отданием, а оттого в блаженстве я. А коли не осуществится, то расстройство духа и тела поимею, и сгину безотвратно и безымянно. Люди Божии, берите с меня и насладитесь, ибо, любя Бога, я вами любим. Осмотритесь и приободритесь, «Яко мзда ваша на небеси», и заберите, заберите Дар мой Божий, не мне принадлежащий, но в руках, голове и в сердце моём пребывающий, и с радостью и любовью наслаждающий предаю вам его!

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Военный санитар № 9999, Ефрейтор Сергей Есенин

З октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года в селе Константиново Кузьминской волости Рязанской губернии родился Сергей Александрович Есенин. Его родители – Александр Никитич Есенин и Татьяна Фёдоровна (в девичестве – Титова) были потомственными крестьянами помещика И.П. Кулакова, имевшего свои ночлежные дома в Москве на Хитровом рынке и получавшего от них огромные доходы. Родители Сергея поженились рано: Александру Никитичу было восемнадцать, а Татьяне Фёдоровне – шестнадцать с половиной.

Александр Никитич рано стал самостоятельным человеком. Когда ему исполнилось 12 лет, умер его отец, Никита Осипович. Мать, Аграфена Панкратьевна, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Старше Александра была его 14-летняя сестра, а из мужчин в доме он остался за старшего (двое братьев были моложе). Его образование было завершено в 13 лет с окончанием трехклассной сельской школы. Через знакомых мать тут же определила его в «мальчишки» в один из московских магазинов, где он работал только за еду и одежду, не получая жалованья. При такой жизни каждый приезд на побывку в родное Константиново был для Александра

Поляков Василий Евгеньевич — доктор медицинских наук, профессор, член Союза писателей России.

праздником. На одной из деревенских вечёрок и приглянулась ему его будущая невеста и жена.

Татьяна Титова была стройной, красивой и яркой девушкой, любила организовывать весёлые игры, была лучшей песенницей на селе, хорошо играла на маленькой гармонии – «черепашке».

Семья Есениных нуждалась, поэтому, сыграв свадьбу, Александр Никитич сразу же вернулся в Москву, на работу. Он уже получал жалованье и большую его часть отсылал в деревню матери и жене.

С первых же дней на плечи молодой женщины, Татьяны Есениной, легли большие хозяйственные заботы. Чтобы прокормиться с тремя своими детьми, её свекровь, Аграфена Кондратьевна, набрала квартирантов из числа каменщиков, маляров и живописцев, работавших в это время в церкви и часовне. Игры, песни и пляски под гармонию, веселые вечёрки и посиделки в жизни молодой женщины оборвались сразу и сменились нуждой, стиркой, уборкой, хлопотами обо всех членах семьи и многочисленных постояльцах, тоской по мужу и ожиданием родов.

Полновластной и жёсткой хозяйкой в крестьянском доме была свекровь. Восприятие жизни и характеры у Аграфены Кондратьевны и Татьяны были уж очень разными. Не сошлись они характерами. Не наладились и нормальные отношения.

После родов и смерти первенца положение Татьяны Есениной в чужом доме стало ещё труднее. Дело в том, что довольно скоро женился брат мужа Иван, появилась новая невестка Софья, которая сумела поладить со свекровью, не перечила ей, угождала. Софья скоро стала любимицей Аграфены Кондратьевны. А Татьяна вновь была на сносях, ждала второго. Вторым родился Сергей.

Татьяна Фёдоровна прожила у свекрови восемь лет (из них четыре – вместе с Сергеем). Когда сыну исполнилось четыре года, мать Сергея не выдержала обстановки в доме свекрови и ушла в родительский дом, к своему отцу Фёдору Андреевичу и матери Наталье.

У Фёдора Андреевича было четверо детей. При возвращении в дом Татьяны двое её братьев были уже женаты, у одного были свои дети. У Фёдора Андреевича Татьяна была единственной дочерью и любимицей, но, поразмыслив, он понял, что в его доме положение дочери ничем не будет отличаться от её положения в доме свекрови. И тогда дед Фёдор взял внука Сергея к себе в дом на воспитание,

а его неграмотную мать послал в город на заработки, приказав высылать на содержание Сергея 3 рубля в месяц.

С этого времени беспаспортная крестьянка Татьяна Фёдоровна Есенина жила и работала в людях то прислужгой в Рязани, то работницей кондитерской фабрики в Москве. Оскорблённая своим положением, эта гордая русская женщина, несмотря на трудную жизнь и маленький заработок, всё время просила у мужа развод. Александр Никитич любил свою жену, но не имел денег снять комнату в Москве. И вообще, как всякий русский крестьянин, он считал развод позором, понимая, что ждёт его разведённую жену-работницу в городе.

Пять лет продолжалась эта мучительная неопределённость. В конце концов Татьяна Фёдоровна вернулась к мужу и через год родила ему дочь Екатерину (1905–1977), а еще через шесть лет – дочь Александру (1911–1981). Сёстры намного пережили своего брата.

А Сергей воспитывался в доме деда, где даже спал с ним на печке. Фёдор Андреевич был человеком общительным, умным и довольно зажиточным. В молодые годы он каждую весну уезжал в Петербург, где нанимался в извоз дров на барках. Через несколько лет такой работы он скопил денег и приобрёл свои баржи, которые начали приносить довольно приличный доход. После многодневного изнурительного труда в сыром Петербурге без выходных и праздников дед любил осенью погулять и повеселиться в родном селе Матово. Обладая широкой русской душой, дед любил размах во всем: в работе, в гулянье, в песне. Часто по случаю возвращения Фёдора Андреевича Матово гуляло неделю, причём вино тогда выставлялось вёдрами, а гулянье, пляски, песни, игра на гармонии, смех катились по селу круглые сутки.

Бабушка Наталья была совсем другого склада. Она была доброй, ласковой, но тихой и кроткой. Последние качества развились в ней смолоду от большой страсти ходить по монастырям и церквям для очищения души и приближения к святости. В доме часто собирались духовные странники, слепцы, пели молитвы и духовные стихи о неведомом граде и прекрасном рае. С малых лет Сергей Есенин сопровождал свою бабушку Наташу в Радовецкий монастырь, располагавшийся от их села вёрст за сорок.

В 1904 году Сергею исполнилось девять лет. Дед отдал его в 4-классное Константиновское земское училище (сельскую школу). Сергей был очень способным учеником, а в неурочное время верховодил среди сверстников. Он рано пристрастился к чтению, обладал хорошей цепкой памятью, особенно на стихи. Есть сведения, что и сам он начал писать стихи с девяти лет. По характеру Сергей был непоседа, шалун и драчун. Из-за драк и шалостей в третьем классе его оставили на второй год, но в 1909 году он окончил школу с похвальным листом. По свидетельству сестры Екатерины, в это время неожиданно из Москвы приехал отец, Александр Никитич, привёз гостинцы и две красивые рамки со стеклом. Отец снял со стены свой потрет и портрет Татьяны Фёдоровны, а на их место повесил похвальный лист Сергея и выданное сыну свидетельство об окончании школы. Потом снятые портреты он повесил под этими документами. Когда пришел Сергей, отец с улыбкой показал ему свою работу. Сергей тоже улыбнулся в ответ. В Константиново редко кто имел похвальный лист.

Кроме того, в качестве поощрения Сергею Есенину дали рекомендацию для поступления в Спас-Клепиковскую 3-годичную церковно-учительскую школу или в Рязанское духовное училище. Карьера священнослужителя была Есенину не по душе.

А школа готовила преподавателей для сельских начальных училищ и церковноприходских школ. Захватив сундучок с книгами и постельными принадлежностями, Сергей вместе с матерью отправился на лошадях, а потом по железнодорожной узкоколейке в большое торговое село купеческого склада Спас-Клепики, располагавшееся на полноводной и судоходной реке Пре. Сергей без труда сдал вступительные экзамены и, попрощавшись с матерью, поселился в интернате на втором этаже этой школы. Сейчас здесь музей Сергея Александровича Есенина. В классной комнате, выходящей окнами на речку Совку, второй во втором ряду от окна стоит парта. Большим кленовым листом помечено место, принадлежавшее Есенину.

Несмотря на бурсацкие нравы, царившие среди довольно развязных и наглых одноклассников, необходимость отстаивать свою независимость неуступчивостью и драчливостью, строгий интернатский режим под наблюдением дежурного учителя, неоднократ-

ные попытки «убежать из этого ада», Сергей был многим обязан Спас-Клепикам. Здесь произошло качественное возмужание Есенина. Он сам осознал себя поэтом и получил полное одобрение учителей и товарищей.

Однако смею утверждать, что настоящим поэтом Сергей стал ещё во время учёбы в Константиново. Перечитайте...

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
 На бору со звонами плачут глухари.
 Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
 Только мне не плачется – на душе светло.
 Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
 Сядем в копны свежие под соседний стог.
 Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
 Хмельному от радости пересуду нет.
 Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты,
 Унесу я пьяную до утра в кусты.
 И пускай со звонами плачут глухари,
 Есть тоска весёлая в алостях зари.

А теперь посмотрим на дату написания этих стихов – 1910 год. Просто невероятно! Этот шедевр создан в 15 лет...

В 1912 году Есенин окончил Спас-Клепиковскую школу с аттестатом «учителя школы грамоты». Родители мечтали, чтобы сын окончил ещё и учительский институт, но Сергей уже всерьёз обдумывал другое.

С 1912 по 1915 год он жил и работал в Москве. Сначала Есенин был конторщиком в лавке купца Крылова, затем продавцом в одном из книжных магазинов, экспедитором в типографии И.Д. Сытина, корректором в типографии Чернышёва-Кобелькова. С 1912 года познакомился он с литературно-музыкальным кружком имени крестьянского поэта Ивана Захаровича Сурикова (1841–1880). Этот кружок был содружеством людей творческого труда, выросших в среде крестьян, городских ремесленников и рабочих. Своей деятельностью кружок решал задачи по выявлению, объединению, помощи и воспитанию музыкантов, певцов, писателей-самоучек.

В 1913–1915 годах Есенин посещал вольнослушателем лекции по истории, логике, философии, политической экономии и литературе на историко-философском факультете академического отделения Университета имени А.Л. Шанявского.

Во время работы в типографии И.Д. Сытина, в 1913 году, Есенин познакомился с Анной Романовной Изрядновой (1891–1946), работницей типографии. Был он, по её свидетельству, «кукольно красив, окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом». Из-за безденежья, невозможности напечатать свои стихи, серьёзно заниматься литературной работой был он угнетён, но самолюбив и заносчив. Изряднова оказалась тем человеком, которому Есенин открыл свою мечту стать профессиональным поэтом. В 1914 году они вступили в гражданский брак, а в декабре у них родился сын Юрий (1914–1938). Но жизнь была неустроенной, безденежной. Работа отнимала все силы, стихи было писать некогда. В декабре Есенин бросил работу в типографии Чернышёва-Кобелькова. В это трудное время иногда выручал деньгами отец, Александр Никитич, но постоянно при этом журил сына, что он занимается не делом, что надо работать, а он стишки пишет. Разве это занятие для серьёзного мужика?

А в это время вместе с «суриковцами» Есенин участвовал в выпуске журнала «Друг народа», являясь секретарём нового издания, а затем и членом редколлегии. Но уже в феврале 1915 года, при подготовке второго номера, выяснилось, что Есенин относился к поэтическому творчеству очень серьёзно. Как член редколлегии, он был против публикации несовершенных в художественном отношении материалов. Его коллеги, учитывая невысокий образовательный уровень авторов-самоучек, считали, что Есенин в качестве редактора требователен сверх меры. Возникли непоправимые разногласия. Не считая для себя возможным поддерживать неправильную линию редколлегии, Есенин вышел из её состава.

Стремясь познакомиться с большими, настоящими поэтами, войти в их круг, узнать подлинную оценку своего творчества, в марте 1915 года Есенин переселился в Петроград. В столице он успел быстро познакомиться с поэтами Александром Блоком, Сергеем Городецким, писателем Михаилом Мурашёвым, издателем В.С. Миролюбовым.

Походы по редакциям оказались успешными. Стихи приняли в печать «Ежемесячный журнал», «Новый журнал для всех», «Задуманное слово», «Огонёк», «Голос жизни», «Русская мысль» и даже газета «Биржевые ведомости».

Есенина заметили, оценили, стали проявлять интерес к нему. Даже писатели-декаденты, подчёркивая свое пристрастие к деревенской экзотике, пригласили Сергея читать свои стихи на одном из устроенных ими воскресных собраний.

Но с 1914 года Россия была втянута в войну. Положение на фронте становилось всё более напряжённым и серьёзным. Поражение русских войск в Восточной Пруссии, гибель тысяч солдат на галицийских полях и в пределах Карпат заставили царское правительство объявить призыв в армию и лиц 1895 года рождения.

Понимая, что его скоро призвут, Есенин заторопился в родное Константиново, чтобы перед действительной службой побыть дома и повидаться с родными. Но уже через несколько дней после приезда в Константиново Есенина вызвали в Рязань на комиссию.

Светлокудрый, изящно сложенный, голубоглазый и опрятный Есенин в глазах военных медиков был воплощением идеального русского воина. После недолгого, но тщательного осмотра почти каждый врач писал заключение: «Годен к строевой службе». Но врач-офтальмолог обнаружил у Есенина дефект зрения. Так начинающий поэт получил отсрочку от призыва.

С мая по октябрь 1915 года Есенин жил в родной деревне Константиново. Интенсивно работая, двадцатилетний поэт познал вкус подлинного вдохновения. Он написал множество стихотворений, два рассказа, повесть, а также записал все те частушки, загадки, сказки, песни, которыми так щедро одарили его односельчане.

В начале октября Сергей вернулся в Петроград, подготовив рукописи двух книг. Одна была названа им «Рязанские побаски, канавушки и страдания», а другая – «Радуница». Такое название сборнику своих стихотворений Есенин придумал ещё три года назад. Радуница – это весенний языческий праздник, связанный у восточных славян с культом предков. Издатель Аверьянов 16 ноября 1915 года заключил с автором договор на выпуск «Радуницы» тиражом в три тысячи экземпляров. Для поэтического сборника это был большой

тираж. В первых числах февраля 1916 года первая книжка стихотворений Сергея Есенина увидела свет.

А 25 марта 1916 года молодого поэта снова вызвали в воинское присутствие. На сей раз это произошло в Петрограде. Большие потери на фронте вынудили снизить медицинские требования к призывникам. На этот раз врачи признали Есенина годным к военной службе с зачислением санитаром в батальон запаса. Из этого батальона формировали маршевые команды, которые отправляли в качестве резерва в места наиболее жарких боёв.

Однако после выхода из типографии «Радуницы» в столице уже узнали Есенина как молодого своеобразного и талантливого поэта. Через Мобилизационный отдел Генерального штаба штаб-офицер для поручений при дворцовом коменданте полковник лейб-гвардии Павловского полка Д.Н. Ломан добился прикомандирования Есенина к Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 имени императрицы Александры Фёдоровны. Есенин прибыл в Царское Село 20 апреля 1916 года и получил погоны с ефрейторской нашивкой и специальным вензелем упомянутого поезда, а также фуражку с овальной кокардой и красным крестом. Санитару Есенину присвоили и личный номер – 9999.

Д.Н. Ломан во время войны стал начальником Царскосельских офицерского и солдатского лазаретов и уполномоченным императрицы по военно-санитарному поезду. Под его началом Есенин нёс и гарнизонную, и военно-санитарную службу, работал в лазарете и выезжал с санитарным поездом на фронт. Работа санитаря тяжела и физически, и морально. Трудно сказать, сколько искалеченных войной людей пришлось уложить на носилки, поднять, перенести, ухитриться зафиксировать, бережно поднять по крутой и неудобной вагонной лестнице, пронести по вагону и переложить на поездную койку санитару № 9999 и его пронумерованным согласно закону военного времени товарищам. Нелегко представить, из каких только мест не пришлось Есенину повидать молодых израненных и больных крестьянских, купеческих и дворянских сыновей, сколько грязи, крови и гноя обмыли и обтёрли его трудовые крестьянские руки. Можно только догадываться, сколько трагических исповедей услышал поэт, сколько повидал горя, как часто слышал ругань, стоны, выкрики в бреду раненых, тяжело больных и умира-

ющих солдат и офицеров. Почти круглосуточное бдение, тяжёлый физический труд до изнеможения, близость чужого горя и страданий, частые смерти совсем ещё юных молодых людей угнетали Есенина и заставляли его глубоко страдать. В годы войны им написано очень мало. В основном поэзия той поры выливается в небольшие пейзажные зарисовки природы, увиденные усталым тоскующим и очень одиноким человеком.

При каждом выезде санитарного поезда к месту боевых действий Есенин подносил раненых на носилках к вагонам, записывал их в регистрационные журналы, сопровождал раненых по железной дороге, поил их, кормил, обмывал и обчищал их в пути и то же самое делал в лазарете в промежутках между рейсами.

База санитарного поезда и оба лазарета находились на территории Царскосельского Фёдоровского городка. По замыслу устроителей, архитекторы спроектировали и начали строить городок в древнерусском стиле, обнеся его стеной с башнями. Городку отводилась роль придворного музея для пропаганды художественных достижений Древней Руси.

Есенина поместили в одной из комнатшек этого недостроенного городка. Вместе с ним в этой же комнатке располагались ещё трое санитаров из военнотружущих нижних чинов. У каждого была покрытая серым суконным одеялом койка, а над ней висели вышитое полотенце и табличка с указанием фамилии.

Служба была тяжёлой не только из-за тяжести профессиональных обязанностей. Больше всего Есенина угнетало, что офицеры смотрели на него свысока и почти в приказном порядке заставляли писать хвалебные стихи офицерам, придворным и верноподданические оды царю и царской фамилии. Но из этого ничего не получилось. Сложившийся поэт не захотел, да уже и не мог исправить или переломить своё дарование.

Непонимание и неприязнь между талантливым и несговорчивым самородком и вымуштрованными офицерами Его и Её Императорского Величества росли с каждым днём. По всей вероятности, в будущем офицеры вряд ли бы потерпели несговорчивость и самостоятельность балующегося стишками ефрейтора. Они бы нашли повод и время указать ему его место. Трудно сказать, чем бы это обернулось для Есенина, но в июне 1916 года у него случился при-

ступ аппендицита. После операции и выписки из лазарета он получил отпуск на родину. Есенин на короткое время съездил в Константиново, где застал семью в крайней нужде, почти голодающую из-за болезни отца и отсутствия денег.

Есенин прослужил санитаром до 23 февраля (8 марта) 1917 года. За месяц до этого, 14 января, протоиерей Владимир Кузьминский привёл Есенина вместе с другими солдатами к военной присяге. После принятия присяги отказываться от предписаний полковника Ломана санитар ефрейтор Есенин в условиях военного времени права не имел. В связи с этим Есенину приходилось выступать с чтением своих стихов на завтрак в честь членов Общества возрождения художественной Руси, на приёме во дворце в присутствии царских дочерей, а один раз – в присутствии самой императрицы Александры Фёдоровны.

Но ничего ура-патриотического из его уст царские особы не слышали – ни прославления культурной миссии Фёдоровского собора и деятельности Общества возрождения художественной Руси, ни восхваления лика и военной доблести царя, ни умиления милосердием царицы. Есенин читал выстраданное – грустные и печальные стихи о России. Известно, что никому из членов царской фамилии Есенин не приглянулся и не понравился. Ломану недвусмысленно намекнули, что хотели слышать из уст так восхваляемого им таланта.

Вот тогда последовало второе предписание. Ломан рекомендовал Есенину написать цикл стихотворений или поэму, прославляющую лик царя и царской фамилии. Были обещаны внеочередные отпуска и рекомендовано привлечь в помощь известного крестьянского поэта, с которым в ту пору Есенин был дружен, – Николая Клюева. Известно, что оба поэта решительно отказались создавать такой цикл стихов или поэму.

В этот раз уже не обошлось без наказания. Есенину вручили «экстренный отзыв». По существу, это было командировочное предписание, которое гласило, что санитар ефрейтор Есенин должен отбыть 23 февраля 1917 года из Царского Села в Могилёв в распоряжение командира Второго батальона сводного пехотного полка. Это был фронтовой дисциплинарный батальон, куда отправляли из столицы проштрафившихся нижних чинов.

А 23 февраля (8 марта по новому стилю) 1917 года в Петрограде забастовали 128 тысяч рабочих. Отмечавшийся Международный женский день большевики использовали для митингов и собраний, направленных против войны, дороговизны и тяжёлого положения работниц. На следующий день в забастовках и стачках участвовало уже 214 тысяч человек. 25 февраля (10 марта) началась всеобщая политическая стачка, парализовавшая экономическую жизнь Петрограда. 27 февраля (12 марта) всеобщая политическая стачка переросла в вооружённое восстание. В стране началась вторая русская революция, вошедшая в историю как Февральская буржуазно-демократическая революция. С 27 по 28 февраля (12–13 марта) к восставшим рабочим за два дня присоединилось от 10 тысяч первоначально до 127 тысяч солдат. Совместными усилиями вооружённые рабочие и солдаты 27 февраля (12 марта) почти полностью овладели Петроградом. В их руки перешли мосты, вокзалы, Главный артиллерийский арсенал, телеграф, Главный почтамт и важнейшие правительственные учреждения. Были разгромлены полицейские участки и захвачены тюрьмы, выпущены политические заключённые. 28 февраля (13 марта) пали Петропавловская крепость и Зимний дворец. Министры царского правительства были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость.

2 (15) марта царь Николай Второй отрёкся от престола за себя и за своего малолетнего сына Алексея в пользу младшего брата Михаила. На следующий день великий князь Михаил Александрович также отрёкся от престола.

2 марта 1917 года Временный комитет Государственной думы с одобрения Исполкома Петроградского совета (вопреки протесту большевиков) образовал Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым.

Став очевидцем и свидетелем революционных событий в Петрограде, Есенин не смог отбыть в Могилёв и вернулся в Царское Село. Служивших царю и отечеству придворных офицеров уже и след простыл. Штат санитарного поезда № 143 был непомерно велик. Его решили сократить. Есенин подпал под сокращение штата. 17 марта (30 марта) 1917 года поэт получил предписание Временного правительства в Петроград в распоряжение Военской комиссии при Государственной думе для зачисления в школу прапорщиков.

Однако Есенин прекрасно понял, что собой представляет Временное правительство князя Львова. Ему, крестьянскому сыну, в 20 лет надевшему солдатскую шинель и столкнувшемуся с изнанкой политики войны до победного конца, с княжеским правительством было не по пути. Есенин самовольно покинул армию А.Ф. Керенского.

Опасаясь принудительного возвращения на военную службу и репрессий со стороны новых властей, Есенин ездит из одного конца страны в другой. С конца марта до конца мая он живёт в Москве, затем два летних месяца проводит в родной деревне Константиново, потом возвращается в Петроград.

А ранней весной 1917 года, в Петрограде, в редакции «Известий» Есенин познакомился с очень красивой женщиной – Зинаидой Николаевной Райх. Есенин принёс в редакцию одно из своих стихотворений и, ожидая приёма у редактора, разговорился с машинисткой. Беседа продолжалась больше трёх часов. Есенина уже неоднократно вызывали к редактору, но он только отмахивался и говорил: «Потом! Чуть попозже!»

После путешествия с двумя приятелями и Зинаидой Николаевной к Белому морю на обратном пути, в поезде, Сергей Александрович вдруг сказал ей громким шёпотом: «Я хочу на вас жениться». Ответ: «Дайте мне подумать» – его немного рассердил. В конце концов было решено венчаться немедленно. Все четверо сошли в Вологде. Денег ни у кого уже не было. В ответ на телеграмму «Вышли сто, венчаюсь» – их выслал из Орла, не требуя объяснений, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, нарядили невесту. На букет, который жениху надлежало преподнести невесте, денег уже не было. Есенин нарвал полевых цветов по пути в церковь. 4 августа 1917 года брак Есенина и Райх был зарегистрирован.

Так закончился дооктябрьский период жизни Есенина и его служба военным санитаром.

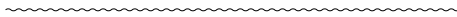

АЛЕКСАНДРА ШЁНЕНБЕРГЕР

Nature morte

Сидишь в самолёте в дикой жаре, и в струю маленького отвёрнутого вентилятора попадают только руки, держащие книжку. Душно-то как!

Осенние коты не рисуются, мама уходит. Не знаю, застану ли я её в сознании. Чтобы не реветь, представляю себе магнитик-фото-

Шёненбергер (Чугай) Александра Николаевна родилась в Москве в 1968 году. Окончила Московский архитектурный институт. С 1991 года — свободный художник (живопись, графика). Принимала участие в выставках ЦДХ и МАРХИ.

С 1996 года живёт в Швейцарии. Окончила Высшую школу прикладных искусств, г. Ла-Шо-де-Фон (La Chaux-de Fonds), кантон Невшатель, по специальности «Дизайнер промышленных изделий, ювелирных украшений и часов». Работала ассистентом преподавателя на кафедре индустриального дизайна.

С 2004 года возвратилась к живописи.

Переехав в Швейцарию, начала писать рассказы. Чем это обусловлено, трудно сказать. Большое влияние на Александру оказала ее мама — московская поэтесса и переводчик Ольга Чугай. «Для меня литературная среда была частью моего дома и мироощущения. Думаю, что писательство (для меня лично) всегда было и остаётся способом выживания и адаптации в иноязычной среде, — уверена Александра Шёненбергер. — Семантика родного языка, его экспрессия помогают мне объединить пространство проживания с моим личным пространством. Это также связь прошлого и настоящего через слово, понимание и ощущение реальности, способ её анализа и проверки».

графию на холодильнике с лицами Сурии, Паулы и Ролика. Гуляли они на Арбате и запечатлелись. От воспоминаний о прогулке легче становится.

Пасечка рисует осеннюю картинку для русской школы, капризничает, не знает, что изобразить.

Надоели ей эти пошлости школьные. Каждый год нужно выживать из себя тонны осенних листьев хищного багрового цвета, корзинки с грибами, ёжиков, несущих яблочки на спине, или берёзовую рощу цвета пива Feldschlosschen. Выбор небольшой. Заупрямилась моя девочка.

Говорю: «Нарисуй самое дорогое, родное и любимое, и весь осенний антураж подойдёт».

– А что, мама?

– Да вот Винсента-кота. «Ах ты, мой сладкий» – вот кого рисуй. Представь, что он сидит за большим круглым столом, скатерть белее, и на ней корзинка с дарами. Ну, там, виноград кистями, яблочки-груши и т.д.

Перед Винсентом ложка и вилка, лапы он положил на стол – изготовился корзинкой пообедать. Напротив стул стоит пустой. За спиной котовой огромное окно, рама крестовая, и там, в раме, с дерева падают осенние листья. А хочешь – изобрази их гигантскими, падающими в комнате.

Вот и вся осень. И не заметишь, как нарисуешь.

Пасечка металась-металась и села рисовать. Получилось обалденно. Даже грибочки не забыла по столу разбросать. Кот сидит улыбается. И что самое главное, из этой комнаты есть выход – дверь нарисована. И лампа над ней висит уютная, чтобы тот выход освещать.

Чудеса происходят за столом с белоснежной скатертью. Сидит кот, ест грибы и с птичкой беседует. Вернее – улыбается ей. Можно жить дальше.

Не попишешь ничего – не расслабишься. Ничего не попишешь: нужно жить дальше.

А всё равно хорошо в Москву кататься. Только не могу представить нашу большую комнату на Филях без маминой фигуры, сидящей в «позе Будды». Маленькие нефритовые фигурки Будды на серванте есть, а мамы нет. Увезли мою «комнатную композицию» на свалку, а точнее – в районную больничку.

Остались от неё пачки рукописей и стихов.

Что от поэта остаётся? Горстка бумаги и тонны сигаретного пепла, и его уже нет. Все предметы расставлены по местам – значит, всё в порядке. Просто вышла она из комнаты на минутку. На кухню прошла. А куда же ещё ей ходить? Сидеть дышать в выпученное око телевизора, смотреть единственным невидящим глазом... А другой глаз в себя обращён, болеет.

Я сижу на обочине. Ой, и подумаешь!

Зато каждый встречный может обратиться с вопросом, куда идти.

Что общего между самолётным вентилятором и осенним котом на школьном рисунке?

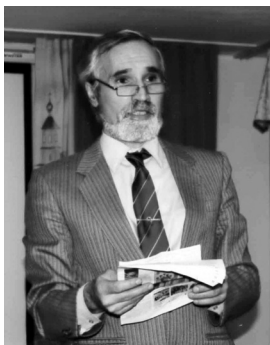
Мелкая струя воздуха, не попадающая на лицо и просачивающаяся сквозь пальцы. Мелкое облегчение нарастающей боли в груди. Внутри тебя осенняя корзинка, набитая фруктами.

...Оставьте мне время, чтобы начать не убавлять его до срока.

Сентябрь 2015

Паула Шёненбергер, 9 лет, «Осенний завтрак»

ОЛЕГ ШИРЯЕВ

Лесная небылица

Однажды я попал в необыкновенный лес. Деревья, правда, были обычные: сосны как сосны, разлапистые колючие ёлки. Птички поют в лесном кустарнике. На полянках цветы, летают разноцветные бабочки и стрекозы. Жужжат шмели с пчёлами, зверюшки разные. Но что-то здесь всё же было необычное.

Утомившись от прогулки по лесу, я прилёг на мягкую травку и незаметно задремал.

Пробудившись от лёгкого сна, долго не мог понять, снился мне сон, который принёс лёгкий лесной ветерок, или действительно всё было на самом деле.

А приключилось вот что.

На рябину села сорока и затрещала.

– Ох, я по лесу летала, сколько новостей узнала. Нужно мне к лисе слетать, новость важную сказать.

Ширяев Олег Леонидович — член Союза писателей России, лауреат премии А.Блока «Покой нам только снится», награжден медалью МГО СПР «Родина-мать зовёт». Много лет служит алтарником в храме Донской иконы Божьей Матери в Перловке, пишет стихи и прозу, рисует акварелью.

Только я её и видел, полетела сорока разносить по лесу новости и сплетни.

Интересно, какую важную новость знает сорока?

На полянку прибежал серый зайчишка и стал кого-то звать:

– Где ты спрятался, братишка? Отзовись, это я, выходи, трусишка.

Из густого кустарника вылез серенький комочек.

– Здравствуй! Почему это я трус? Я просто боюсь: и лису, и волка.

Вот и тряусь от полёта совы и от шума травы.

Засмеялись белки с высокой ёлки:

– Ну и трусишки эти зайчишки!

– А ты слышала, сестра, новость, что сорока на хвосте принесла?

– Не слушай сплетницу, сестрица, она с три короба наврёт, да ещё слегка приврёт.

– Да, но правда, что из-за границы приехала подруга нашей лисицы.

Услышали про то зайцы и разволновались: «Плохо нам теперь будет, зайцам».

– А что вам, зайцам, бояться? – спросили белки. – Пора бы лисе сдаться – и перестали бы её бояться.

– Вы бы лучше помолчали, – зайцы белкам отвечали. – Вас на ёлке лиса не достанет и, конечно, не поймает. Нам же прятаться от лис и дрожать как осиновый лист.

Затрещали в лесу ветки, и на поляну вышел медведь.

– Зайцы, прекращайте реветь. Я вас в обиду не дам, а если кто обидит, то напощадам так, что только пятки будут сверкать, а захотите, то не сможете догнать.

Засмеялись зайчата. А славные они всё-таки ребята: когда их не обижают, прыгают на полянке и в догонялки играют.

Сорока же к Патрикеевне долго летела, другими новостями поделиться хотела. Поздним вечером к норе лисицы прилетела, но опоздала. Лисица уже свою подругу встречала.

– Здравствуй, кумушка-сестрица, как живёшь-поживаешь и чем гостью угощаешь? Понятно, что здесь не заграница, но угощение у тебя, я думаю, не пшеница? Я откушала бы сейчас зайчатинки, а потом отдохнула бы на диванчике,

Отвечает гостье кума:

– С зайцами большая проблема. Но это, подруга, уже не твоя тема.

«Как уважить гостью, подумаю об этом ночью», – решила про себя.

Уложила кума подругу спать и вышла на охоту, проблему решать.

Зайчики спокойно спали около медвежьей берлоги. Сильный и добрый у них защитник. В прошлом году он волка прогнал, потому что тот зверушек обижал.

Подкралась лиса к зайчатам. Схватила спящих – и в мешок. Зайцы спросонок как закричат:

– Помогите, съедят нас, бедных зайчат.

Проснулись в лесу звери:

– Открывайте скорей свои двери! Зайчата в беду попали. Плохо, значит, мы их оберегали.

Прибежали лесные звери спасти зайчат. Спорят друг с другом, как выручать.

– Лось, ты рогами лису забодай, а гостье заезжей мы скажем: «Прощай!»

Спорят звери. Кто прав, кто не прав. Оказалось, что медведь во всём виноват.

Заревел медведь:

– Обвинять меня не смей. Поймаю лису-воровку. Устрою ей такую порку. Будет ей, рыжей, урок, дайте мне только срок.

Окружили звери лисью нору.

– Выходи, плутовка!

У кого-то оказалась в лапах винтовка. А была это просто палка, но для лисы загадка.

Испугалась лисица. Подняла вверх свои лапки:

– Вот они, ваши зайчатки.

А заезжая гостья-лисица ещё раньше убежала и больше в наш сказочный лес не приезжала.

Наступил в лесу снова покой и порядок.

Много он хранит для нас ещё сказок.

По лесной тропинке я шёл в уютный свой домик, где ждали меня мои близкие. Солнышко спряталось за сказочным лесом. Я обернулся и помахал солнышку рукой:

– До свиданья, лес, до скорой встречи, солнышко!

Поздним вечером я сел за письменный стол и написал для вас эту сказку.

3

МОНОЛОГИ

МИХАИЛ ЧЕРДЫНЦЕВ

Возможный ответ

К переживанию даты

Пусть граней белой тьмы, куда уходит свет,
Осталось нам для встреч немало и немного
Среди, событий для.
Но впрочем, есть ответ –
К спасенью тяжких дел, где ждут итоги строго.

Да, это – вечный труд! Отчаянно борюсь
С тревожащим напрасно представлением:
О том, что за какое не берусь
Начало, всё приводит в исступление.

Но для чего, тогда учить урок
По мере сил,
согласно отступлениям,

Поэзия **Михаила Чердынцева**, публикуемая в журналах и газетах второй половины XX века и первой четверти нового XXI, а также постоянные выходы авторских книг в отечестве и за рубежом, определили его независимое и отдельное положение в современном литературном процессе, как основателя и лидера русского ритмического минимализма или образного малословия.

Когда приходит торг, а к испытаньям срок
Не просто так открыть, а для определения?

В сравненье суть!
Зато, здесь сколько не смотрю
На оболочку, трёпанную днями?
Мне все равно в душе! Но чувства отворю,
И мир взыграет в действиях огнями.

Придёт черед в конце и распадётся мгла,
Небесный жизни круг, вдогонку дням продлится...
Что ж, главное теперь, не прекращать дела,
Пока поёт в саду для нас свиданий птица.

Оплата детства

Кружа среди густого перелесья
Возможностей с мечтой у городища,
В итоге проникающая плесень
Внутри согласий действие отыщет.

На мёртвый блеск желаний с тьмой разлуки
Ответчикам живым по телефону,
Откроет ложь итогов встреч от скуки
В пространстве позднем чувства с перезвоном.

Когда из дальних лет упокоения,
найдя в годах окраины по чину
к страданьям, пусть однажды поколения
Добавят смысл событьям и причину.

Чтобы к душе спускался дух награды –
Извод себе подобных... На подъёме
За столько лет растраты:
Всё же надо
знать точно место лёжки в буреломе
С надеждой.

Там, где птиц переполохи
с заботой в ритме скором и отважном
Откроют, как сберечь на сердце вздохи
Поступков в происшествиях бумажных.

Глотая часть желаний истребления,
Стуча о ствол сухой раздетой ветки,
Давай укроем миг употребления
Других в объёмах подлинных, но метких.

Правило в пути

Зверь испытаний
в пути к нам торопит запас впечатлений,
Чтобы от встречи в горячей листве перемен отразиться.
Здесь, по стволу подсознания за тьмой проявлений
В плоти озёрной страницы мечтаем укрыться;

Можно иначе: с надеждою при испытаниях –
вместе прильнём к впечатлениям
в чувствах среди ощущений на ржавой странице,
Словно возможность,
в углах собирая поступки к свиданиям,
Ждёт варианта, способного быть и присниться.

В лицах из памяти взгляды твердят оправдания,
В календаре отмечая поступки и крайние даты.
Но, появившись с защитой на случай страдания,
Список партнёров найдём, без вины виноватых.

Здесь подберём, к отношениям
Жалость сквозь время прощения –
с редким дождём между дел перемен в непогоду.
Чувства отпустят на волю, попробовав для унижения,
Пить разведённую горечь лишений к исходу.

Впрочем, и так:
исчезновенье, возможно на четверть,
стекла пробив для итога, застыв для улова,
Выдернет день из пространства, где будет начертан
план поздней встречи с тобой к перемене былого.
Всё раздаёт тишина. За губительным лесом
возраста к озеру вьётся дорожка поступков нагая.
Вестник желаний царит,
словно Ангел, с тобой под небесным навесом,
Жизнь мою, искренне вроде бы, перебегая.

Открытое падение

*Действий с удачей
потребую нежно в итоге.*

Н. Глазков

Мелочи быта желаний по личному счёту разводит удача
Через возможности встреч сквозь немереный понт перемены.
Если нас нет, то в остатках содействия сдача
Пусть укрывает в поступках незримо измены.

Здесь, аккуратный во всём, разрушительный по результатам
За переменной событий, на память итоги качаю.
Жёсткий по времени случай на сердце с возможным откатом,
Но подтверждаю: любовью всему отвечаю.

Впрочем, от ярости,
вспомнив с усилием цельность мгновений,
Будем с тобою, встречаясь,
В реальности вкладывать силы в свидания.
Чтобы к желаниям нашим задуманных прикосновений
Так получить подтвержденье и не испугаться врастания
В ритм бесконечность событий,
Где днём иногда удаётся,
Снова покой тормозить неурядицей к видимой встрече
по телефону без дела,

поскольку конечно однажды придётся
Связь оборвать устремлением силы и тяги к неправильной речи.

Вынь из души, если сможешь, остатки усилий с отрадой,
пар пропуская сомнений сквозь ужас летящей разлуки
И посмотри на стекло: где белеет итогов ограда...
Свет мой, безделье кончается юности, царствует скука,
Впрочем, любым порученьям по жизни судьба будет рада.

Достоинство ответа

Рассвет пока за всё в ответе...

И. Лыцзов

Выравнивая путь размеренной недели
В событиях найдя к возможностям черёд.
Без умысла возьмусь
Ответить, в самом деле,
Преодолеть волну откатов, как сумели
И к вечности нашли в судьбе водоворот?

К звенящему во всём от мудрости упрямству,
не выносящему во тьме поступков свет,
В характере своём отыщем постоянство
На случай, выдержав в сомнениях ответ.

Хотя, являясь вновь среди ночных условий
сюжет с порядком дел,
возьмусь для жарких встреч
Изводом фразы срез для смысла славословий
Славянских собирать, пытаюсь жизнь сберечь.

Или иначе, тьмой от дел и верой света
Пусть в холоде борьбы,
переживая зло,
Приму в ответ тепло бессмертия с ответом –
Как с правдой в жизни быть, чтобы судьбе везло.

Тут возникает чувств приклад среди мгновений,
Сквозь план к сюжетам встреч, отбой разметив весь,
С преодолением от вечности сомнений,
До перечня удач твоих исчезновений
Возможность: вспомнить всё,
что было, и что есть.

Но в суете, теперь покорно замолкает
И тянет в глубину к делам, минуя тьму,
Вечерний ветер – здесь, конечно, окликает
с тобой, но так почти уже не отвлекая,
Мешает вечно спать, не веря никому.

Так, что же, правда?
Здесь найду к ответам с мыслью,
от вечности любви, условия пока
во мгле событий, где, в конце концов, повисли
для тайных встреч ночные облака.

Но в результате спор к реальности упрямо
Идёт: как нам вернуть, обратно в битый час
Народную игру – загадку вечной драмы:
Творить, узнав итог, прощенья про запас.

Здесь к предложениям свиданий остаётся,
Почти чуть-чуть неизрасходованных дней,
И столько в жизни пусть испытывать придётся,
Чтобы уснуть навек, после желаний с ней.

За одно мгновение

Сыну

Угроза дней –
 не в том, что их так мало осталось! Исчезая тьмой провала
 во времени, они вместо себя, подсовывают смысл нам и резон
 тащиться дальше; предлагая танец
 поступков, наводя на сердце глянец в пространстве чувств...
 Но ветер встреч расстрига шерстит на радость всем законов книгу
 и руки сводит, потревожив сон.

Но кстати к жизни смысл, где всё нам мало! Пришедшим в яви дням
 Из тьмы провала, с возможностью, здесь раскрывает сон
 Среди событий поздних... Впрочем, танец
 поступков, наведя на сердце глянец,
 Нам предъявляет к действиям резон.

Уверен прямо – в жизни, что-то есть!
 Раз к будущему, век простывший прожит...
 Официант событий дарит весть – и цену всех мгновений,
 мной итожа, пыль стряхивает с кончика пера.
 Оказывается: Уже пора!
 Ровесники рассеялись, уроды... Переведу дыхание от моды
 скакать с утра на плоскости двора переживаний,
 Переждав погоды в объятьях виртуального вчера.

Да что мне дождь сомнений? Раз порою
 размешаю правду добела! Здоровье – дрянь,
 Да ты не подвела и бьёшь в конце измены шуткой злой,
 раздваивая встречи и дела. Природа ненавистна до тепла
 А возраст ждёт с верёвкой чувств слепую, с полу тупым ножом
 из-за угла...

Но случай, обозначив время зла, приходит в ярость через грань
 с тобой,
 Очистив память яростной судьбой.

Да что мне день! Свидания порой
оправдывают веру добела. А жизнь в конце измены шуткой злою,
рвёт радость встречи, позабыв дела. Здоровье – дрянь!

Да ты не подвела,
и бьёшь, в конце измены, шуткой злою раздваивая встречи
и дела...

Природа ненавистна, боль светла, а возраст ждёт с верёвкой
встреч слепую,
с полу тупым ножом из-за угла.

Но меркнет, в поздних чувствах дней слюда,
Пока в ответ изменчивость природы согреет нас возможностью
свободы,

Попробовав забытые вчера мгновенья ложные,
Какие наши годы!

Но кто нам
вечность обещал любви, безоблачность и радость в миг веселья?
Поговори, о прожитом с людьми, они – откроют тайну новоселья.

Ссыпает время мне поступков крохи,
Где птицы встреч взлетают от вранья к событиям из клетки
впечатлений

Через пространство ржавых чувств эпохи, отвергнув
все проблемы бытия.

Потерпим! Здесь, под крики воронья: О бедах, мир
ломает о колени слова и свет, не ведая сомнений
в поступках... Вслед за облаком седым в загон летим,
где вьётся жизни дым от счастья недобитого погонь.

Возьми, и поверни к себе ладонь и посмотри,
на линии и точки...

Кто выдумал спасительный огонь, тот знает точно цену
каждой строчке на камне. Это – прочь! Кого ни тронь,
Лишь фенечки, долги и лет примочки.
Картонной пустоты сырая бронь.

Да кстати дни. Их мало или вдоволь?
Кто ведает... осталось сколько плыть?

Напрасно Книгу голубей шерстить – нелёгкий труд.
Хотя ответ готовый:
Их столько, чтобы вечно вместе быть!

Зелёный реверс мира

*Когда, Сергей, ты кладёшь свою руку в
руку того, кто в тебе нуждается, ты чув-
ствуешь в ней Бога.*

Из письма брату

Когда мы близко подошли к реке, пустых скамеек в лодке
не осталось,
Чтобы унять волненья и усталость... Когда иссякла очередь к реке,
и мест свободных в лодке не досталось,
Чтобы унять безмерную усталость,
Мы улеглись с тобой невдалеке...
И сразу же заснули. Наши дни,
Подобно лифту, потекли обратно
В сознание, где вновь зажглись огни и стали петь протяжно
и приятно.

Когда мы близко подошли к реке,
и мест для нас на лодке не осталось,
Чтобы унять волненья и усталость,
Когда иссякла очередь к реке
И мест свободных в лодке не досталось,
Чтобы унять безмерную усталость, мы улеглись
В тени невдалеке.
И сразу же заснули. Наши дни, подобно лифту,
Потекли обратно,
Где в ртутной мгле зажглись на миг огни
И стали петь протяжно, но приятно...
Когда мы близко подошли к реке!

Под скрип весла в бездонной тишине,
Напрасно ожидая чуда встречи,

Ты плакала счастливая во сне, поступков ожидая
К слову речи. Под шорохи в бессмертной тишине,
Худым платком, укутывая плечи,
Но горько вспоминала обо мне, ища прощенья
В мгле противоречий.

Чтобы не мёрзнуть, по пути назад
Я выдумал игру себе, где память
Моя – один свиданий чёрный плат,
А ты шитья серебряного замять.

Вновь стали приближаться фонари,
Чуть слышный рокот голого мотора
Напомнил кровь, звенящую внутри
И замиранья сердца в дни позора.

В предчувствии мгновения агонии,
Запоминая близкие места,
увидел я, как дятел из куста,
Оглядывая мёртвые места
В предчувствие безудержных агоний,
Суёт монетки в красные ладони.

Где и за что придётся нам платить, не ведал я,
Глаза поднять не смея,
Последний луч закатный, во плоти скользнув,
Пропал бумажной тенью змея.
Вослед явилась темнота, а с ней душа на миг
Заныла в изумлении:
Зачем не гнал я жизнью чувств коней, берёг себя,
Боясь исчезновения?
К чему всегда, настойчиво назад спешил,
Не оборачиваясь к делу,
Узнав как в сердце горечь и надсад, столкнулись
У опасного предела.

В предчувствии мгновения агонии, оглядывая
Близкие места, увидел я, как дятел из куста,

Переживая мёртвые места
в предчувствии безудержных агоний,
Суёт монетки в красные ладони.
Где и за что придётся нам платить, не ведал я,
Глаза поднять не смея,
Но луч во тьме закатной, воплотив мой путь,
Пропал бумажной тенью змея.

Вослед явилась темнота, а с ней душа на миг
Застыла в изумлении:
Зачем не гнал я в жизни чувств коней, берёг себя,
Боясь исчезновения?
К чему, всегда настойчиво, назад спешил,
Не оборачиваясь к делу,
Узнав как в сердце горечь и надсад,
Столкнулись у опасного предела?

А дальше?
Сквозь почтовую печаль кончается
Строка повествовань.
Любви совместной подпись и печать
истёрлись на путях существования...
Замолкла речь, стал ненавистен жест
И, нереален в поисках прощенья
Событий смысл, где ветер бьёт о жезль
Листвой убитой к встречам сообщенья
любви неверной выдержки... Печать,
присущая строке повествовань, засохла
Словно подписи печаль свиданий
У дверей существования.

Умолкла речь, застыл упрямо жест. Стал невозможен
В поисках прощенья, застывший миг в сознание,
Мнущий жезль календарей бездарных воплощения.
Любви неверной выдержки
Печать, несущая строку повествовань, засохла,
Словно подписи печаль свиданий
У дверей существования.

Замолкла речь, застыл упрямо жест. Стал невозможен
В поисках прощения
Застывший миг, сознанием мнущий жесть
Календарей бездарных воплощения.

Многоочитый Ангеле, едва в огне промолвит слово,
Нас разбудят. И всё забудем!
Впрочем – не беда, когда объявят слово,
Нас разбудят. И всё забудем! Это – не беда.
Что рассуждать о том чего не будет!
Многоочитый Ангеле, когда
в огне проявит слово, нас разбудят. И всё забудем!
Впрочем – не беда, едва объявят слово, нас разбудят.
И всё забудем, это – не беда;
Что говорить о том, чего не будет.

Век тает на опавшем рубеже, где всё что было,
Предстаёт иначе,
Пока лежит в моей руке горячей твоя рука.

.....
Простимся на последнем рубеже, здесь все поступки
Видятся иначе,
Ещё лежит пока в руке незрячей моей,
твоя – безвольная уже.

Реальность и осенний сон

Покоя свет короче тьмы движений,
Но смысл итогов посреди теней,
Как жёсткий жгут судьбы преображения
Затянет случай мглой свиданий с ней.

Не обмани сентябрь, зачем простою
порой предел у времени и свет
В пространстве дел, которых я не стою,
отыщет мир для встречных тайн в ответ?

Закрыв чужою дверью путь к свободе
 С достоинством к свиданьям отнесу
 Слова, забыв о вере с правдой вроде,
 Которую в конце произнесу!

Переживать в порывах пробуждения
 Вот так с утра, приходится опять,
 Но вымерзает чувство возрождения...
 В мгновеньях сна, где ощущенья спят.

Интуиция формы

Интуиция формы – отрицание и пророчество нормы...

С. Морев

Слышу зов телефона из сна,
 пропуская к согласью вперёд в предложениях дел оборот,
 В разговорах с дефектом желаний,
 Усилив возможность ночных поражений...
 К праву исчезновений
 тут, где трубки магнит соберёт
 Ржавый сор покаяний силой точною воображений.

Что извлечь из взаимности чувств нам?
 Когда между прочих забот
 затихает в поступках среди вереницы мгновений
 Ветер встреч.
 Нам сознание, плутая, к сужденьям вобьёт
 С беспокойством волнений свидетельство прикосновений.

Так устроена память загадочно. Кажется лишь,
 С ожиданьем конца бесполезных в дверях объяснений,
 Ты торопишься рвать наши связи и реже звонишь,
 изменяя условиям мир, с восторгом сомнений.

Тает в зеркале лет расписание.
Дней правоту, дребезжащий сигнал –
безразличный к свиданиям стоик,
Отправляет с молчанием возраста сквозь темноту
К нам в объятия судьбы,
Где толкаться и спорить не стоит.

Или, кажется даже: Прощения сбросив с руки,
Отношения пульс отнесём к ощущениям, кстати,
Укрывая от злой перемены событий строки
Виртуальной,
Желанья и лихие дела в результате.

В днях замёрзших беспечной порою, припомнив о том,
что пока не успели;
Впрочем, во время, и не сумеем...
Отключить аппарат; Чтобы крикнуть в пространстве пустом,
Напоследок тебе то, о чем даже думать не смеем.

Картинки на памяти

В эти мирные дни перемен,
тают тени событий возможностей наших к сюжетам...
Как мне смысл понять,
чтоб их выстроить в правильный ряд
Среди вечных картин, по которым мы были воспеты,
Не оставив теперь ни одной, пережившей обряд.

В разворотах судьбы
растерялись в поступках открыто
Все, кто дороги были и в пути нам дарили сердца.
В дольном мире тумана, здесь не то, чтобы были забыты,
После встреч в темноте,
но держались с тобой до конца.

А теперь к этой правде, слова отыскав в оправдание,
После меченых дел, повернуть ощущения вспять...
Невозможно? Пока есть река, где размыты свидания
На песке золотом, чтобы прошлое не потерять.

И последнее, кажется,
расплескав своё прежнее время,
Ты не сможешь стремлений сохранить до конца туесок;
Но, растают слова – про запас сохранённых как семя,
Чтобы встречи вернуть,
прямо к сердцу в назначенный срок.

Точно и вовремя

Память о днях твоих светлая встречами осень
Сердце тревожит с блаженным стремлением к тени,
В пору иную, где ветер событий в сомненьях уносит
Всё, что осталось нам после и до обретений.

Шум торжества за окном затихает на зависть,
Время готово однажды наполнить карманы.
Вечность выходит на службу и в сонме красавиц
Горечь разводит в свиданиях поздних в тумане.

Что же теперь остаётся? Попробуем вместе
Не затворять правду встреч на замок
результатами двери.
Слышишь вдали?
Это птицы щебечут предместий
Памяти праздною про боль уходящей потери.

Воспоминания августа

Я сплю теперь, но следует усвоить
Нам прошлое, где с переменной чувств,
Поскольку остаётся только двое
Не стоит перед тьмой испытывать искуса.

Среди пустых событий и поступков
Трясёт погода вслед с дождём ответ,
    Так будто жизнь
    Кипит в скорлупке хрупкой,
последних встреч, не замечая свет.

Пора бы пробудиться, а иначе
Наступит частный в жизни результат,
    Где возраст незаметно обозначит
Препятствий след, в которых виноват.

Но в сладкий сон зовущая реальность,
С изменой чувств нам подтвердит сюжет.
Здесь, требуется обрести специальность,
    И с волей чувств за всё найти ответ.

Пусть сновиденья вновь летят с листвою
    Из памяти к мгновениям удач,
И мир гудит над позднею судьбой,
    И в днях, считая в ноль,
    трубит трубач.

Пейзаж, мелькающий за окном...

Скромный дом на краю позабытых реально событий...
    Мне припомнится позже.
Здесь в провинции русской, где царствует бездна песка,
Нам теперь ничего не осталось достойного после открытий,
    И ложится на сердце при встречах
    беспредельная в чувствах тоска.

Но, в ответ под холодной волной
    этих с возрастом переживаний
Остывает на памяти лет, потемнев среди дела душа.
Разберём понемногу среди возвратившихся воспоминаний
    Результаты видений, где жизнь без причин хороша.

А, когда закричат за окном в темноте безголосые люди,
Надо прыгнуть отважно в костёр,
за судьбой полыхающих дней.
И возникнет пространство свиданий там,
где нас уже нет, и не будет...
Так как тянет нас в маленький дом
перекличка сигнальных огней.

СМС в итоге

Горный воздух с тобой отношений прозрачен и чист,
Я не ведаю сна,
набирая к свиданиям силы:
Как мне дверь открыть, если сердце упрямо молчит,
Словно память мгновений, о которых судьба попросила...

Пусть стою на коленях
пред тобой, как у бездны событий открытой назад,
И не знаю, за что мне даруется тихое чувство блаженства?
А пока, без условий в событиях и без наград
возникают слова к ощущениям в пути совершенства.
Эта сладкая горечь от потраченных сил за судьбой
до возможности в круге согласий встречаться с удачей...

Чтобы попробовать смысл найти для свиданий с тобой,
Никого, не тревожа, напрасно,
и даже не плача.

Возможный ответ в результате

Что мне выбора спесь? Или к образам смысл исканий,
Шёлк загадочных фраз, изукрасивших временем речь...
Раз условия ищут за реальностью недомоганий
Изменений лихих, то приходится чувства беречь.

Вот иной вариант:

Долг и радость последних свиданий
в сердце слабом с причиной неверности,
после потерь,
проверяют разлукой к переменам – возможность страданий,
Для сомнений укрыв вязкой памятью прошлого дверь.

С разделением дней, просто вера теперь, многократно,
Прерывает желанья там, где просохла трава
Возвращений с предчувствием прошлого,
опыт обратно
Сквозь реальность в поступках, результаты проверит едва.

За усталым туманом вижу тень – одинокий прохожий,
Словно ветер ночной, ищет в зеркале к счастью пути
Между дел и событий,
Где во тьме обещает похожих ощущений в пространстве
нам с тобой для свиданий найти.

Пусть к реальности дела, от позора до вечных лишений,
Тёмный возраста ужас на встрече водой разведу
Предложений напрасных,
с беспределом желанных прощений...

Но душа холодеет, оставшись одна на виду.

Утренние сомнения, как результат

Пока стучится неустанный торг
Судьбы, ловя нас жизнью, настроение
найдем в ответ, как выдержать восторг
Согласий русских для прикосновения.

Давай теперь попробуем с тобой
Пройтись, хотя бы до ближайшей двери,
Где времени невидимый прибой
Смывает кромку чувств волной потери.

В развитие отмеренного сна
Разбор, устроив будущих открытий,
летит в ответ желания блесна
От берега надежд к волне событий.

Оправдываться больше, нет нам сил!
Хотя возможность всё-таки осталась
Со временем, о чём бы, не просил
Тебя,
Согласье есть, что Бог простил...
А впрочем, подтверждений, скажем, малость!

К участию терзает душу грех
Сомнения, бессонницей тревожа,
Что право на прощенье есть у всех...
Единое.

Но всё же, всё же, всё же.

Гармония времени

Верный час наступает,
Дни уходят с прощаньем, безумствуя строго,
приоткрыв за собой к переменам железную дверь...
Жизни будущей нам,
здесь осталось ни мало, и, кстати, проверим, ни много:
До событий возможных без света и страсти теперь.

Разве есть к представленью неверному
смысл и причина,
Или повод глухой провожать всё, что было
когда-то во мгле?
Я склонюсь над листом приговора,
пока вижу в мозолях затёртую спину,
Уносящую жёсткие вечности крылья, неясные мне.

В тишине за итогом сомнений, ледящих события, вместо
Одиночества, сердцем откроем под скрип половиц:
Сквозь холодные капли дождя,
рыжий кот ищет тёплое место,
А душа совершает незримо обряд покаянья
в пределах, отпущенных к жизни границ.

Объяснения усилий

Вести тают, бесспорно, а на сердце ложится печаль...
Безразличие лечит, сохраняя возможность здоровья,
Мир теряет друзей,
так удачно, что сердцу не жаль
Сил душевных, потраченных в переживаньях с любовью.

Но куда, не пойму исчезает в событиях пыл,
Утихает горенье...

Здесь пока мы находим всему объяснения.
Будто ты

просто к действию от цветенья в желаньях простыл
В темноте отношений, от которых не будет спасения.

Словно, беглый бродяга обнаружу желанный приют,
где предложат согреться, бескорыстно, за бытом сначала.
Не тревожа, напрасно, беседой о прошлом, а все же поймут,
Что в конце ожидает всех холодная простынь причала.

Там, безумствует вера с конечной печалью от бед,
Раскрывается память,
Под снегом, теряя блаженство.
На песке послесловий исчезают последствия вслед,
Искушениям лживым в попытках найти совершенство.

4

ГОЛОСА

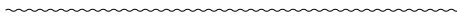

ОЛЬГА ЧУГАЙ

Вечерняя песня

Голоса во дворе
На вечерней заре.
Отсыревшие листья
Дымятся в костре.
Еле теплится свет
В угловом фонаре.
Выше каменных клеток –
Гаражей, этажей,

Ольга Олеговна Чугай (1944–2015, Москва) воспитывалась в семье деда, профессора-филолога А.С. Беднякова. В 1964 году поступила на исторический факультет МГУ. Доучившись до последнего курса, решила не защищать диплом, а, по совету профессора П.А. Зайончковского, профессионально заняться литературой. В 1990 году окончила Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Стихи писала с ранней юности, начала печататься с 1965 года в альманахах и литературных журналах («Новый мир», «Юность»). Занималась переводом поэзии с английского, чешского и других языков. Руководила литобъединением в УДН им. П. Лумумбы, молодёжной литературной студией при СП. С 1977 по 1990 год вела «Лабораторию первой книги» при Московской писательской организации. Составитель и автор первой «перестроечной» антологии «Граждане ночи» (М., т. 1 в 1990 году, т. 2 – в 1992-м). Автор двух сборников стихов – «Судьба глины» (М.: Советский писатель, 1982) и «Светлые стороны тьмы» (М., 1995).

Где в июне безумствует
Стайка стрижей,
Только дым от костров,
Только звон голосов
На вечерней заре
В сентябре.
Что за тайная музыка
В детской игре?
Да не так ли и мы
В отгоревшей поре –
Были тайной для всех –
Сумрак, лепет и смех...
На вечерней заре
Голоса во дворе.

Будильник

Вот старый будильник –
Фарфоровый циферблат.
Неторопливые стрелки, округлые цифры
На всё благодушно, открыто и мудро
глядят.

Тот старый будильник!
В нём прячется конь заводной,
Он скачет и скачет,
Он скачет с тобой и со мной
По белым дорогам, по синим, по чёрным
дорогам.
Ушедшее время прощально свистит
за спиной:

Секунда! Секунда! Секунда!
Так мало! Так мало... Так много...

Голубь

Старый чайник поставим
И куртки развесим над газом.
И беседу начнём,
И нехитрым рассказом
О тебе, о себе
И о бедах твоих и моих
Отогреемся разом.
Что нам беды,
Когда за окном
Ворох перьев с оранжевым глазом
От холодного ветра дрожит
И не просится в дом?
Что нам беды,
Когда мы вдвоём
И над нами нормальная крыша,
А выше
Осенних небес водоём,
Истекающий долгим дождём,
И такой сумасшедший ветрище,
И прекрасна духовная пища
И случайное это жилище,
Где нельзя поселиться вдвоём.

* * *

Начнется дождь...
Сосед мой вынет флейту
Из маленького черного футляра
И подыграет осени в окне.
И я опять сломаю карандаш,
И разорву несчастную бумагу
И стану проклинать себя за то,
Что упустила птицу вдохновенья,
А за окном ворона деловито
Над пожелтевшим парком пролетит...

...В природе все созданы совершенны,
И музыка с природой заодно,
Особенно, когда играют Баха,
Особенно, когда на свете дождь...

Когда на свете осень...
Целый день
Безжалостно выпытываю память,
Минувшее – минута на часах
У моего стремительного века –
Кому оставить след не суждено,
Легко, как лист от ветки оторвётся!
Создания твои несовершенны,
Косноязычны, мудростью бедны,
В них музыка любви не ночевала –
В них только след усилий без прикрас –
Так я твержу и снова рву бумагу,
Притронуться боюсь к тому, что глубже,
К тому, что вместе с музыкой болит.
Создания твои несовершенны,
О боже правый,
Слышишь, как поёт,
Как бьётся и тоскует звук пленённый
Душой, умершей двести лет назад?!
Мы все – ловцы неведомых созвучий,
Но рвутся сети и летят слова,
А звуки исчезают, угасают,
Не бьётся сердце, затихает дождь,
Замри совсем – потом тебя упрячут,
Как флейту в чёрный кожаный футляр.

* * *

Так промедлит рука над страницей,
Так промедлит она над строкой:
Не старайтесь мне больше присниться –
Я не властна теперь над собой.

Ворожила, да только не впрок,
Вспоминала любимые лица –
Вас похитила смерть и граница,
Вас украл многошумный поток –
Жёлто-алый, кленовый, резной –
Он сегодня течёт надо мной –
Осень – время – река золотая,
Не баюкай меня, не лелей
В беспризоре осенних полей.
Ливень листьев, ладоней, сердец, –
Дай забвенью и мне наконец!
Я с тобою не в силах проститься.
Надо мною любимые лица
В ночь сияют вселенными глаз.
Никогда – ни потом, ни сейчас,
Ни на миг, ни на век, ни на час
В счастье, в горе, в болезни –
Повсюду –
Где вас не было,
Где я пребуду
Никогда, никогда
не забуду!

* * *

Закрутилась
Мельница солнца.
Повелела
Сыпаться листьям.
И пошло:
По кругу! По кругу!
Что ни день –
Быстрее, быстрее!
Облетают листья,
И птицы
Улетают,
Катятся звёзды.

Вот какое странное время.
Наступило время
Догадок.
Наступило время отгадок.
Всё быстрее
Кружится солнце.
Всё быстрее
Падают листья.
Не удержишь их, не окликнешь...
Всё быстрее дни убегают.
То-то было медленно
Летом!

5

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

РОМАНОВА Г.А. И МУЗЫКОЙ ПРОЩАЛАСЬ НОЧЬ : СТИХОТВОРЕНИЯ.
ГАЛИНА РОМАНОВА / 101 ПОЭТ XXI ВЕКА. – М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2020. – 192 с.

Летите, песни и романсы!

*Отзыв о поэтическом творчестве Галины Романовой
как источнике для создания музыкальных произведений*

На моей книжной полке уже не одна книга Галины Романовой. Теперь здесь появился и недавно вышедший в серии «101 поэт XXI века» стихотворный сборник «И музыкой прощалась ночь». В нём собраны в отдельный раздел с названием «Летите, песни и романсы!» 50 поэтических текстов, уже ставших песнями. Среди них есть и те, музыка к которым написана мной.

Моё знакомство с членом Союза писателей России Г.А. Романовой состоялось на гражданской, общественно значимой «поднесущей» – в ходе конкурса на создание гимна Подмосковья. Патриотический и одновременно очень образный, проникнутый лиризмом и духовностью текст Галины Романовой, занявший к тому моменту второе место в интернет-голосовании, произвёл на меня вдохновляющее впечатление. Мне очень понравилась строка «С Россией сердце на двоих»: действительно, Москва – именно сердце и России, и Подмосковья. А ещё – оптимистический, обращённый к человеку припев. И музыка была написана! «Гимн Подмосковью» стал началом нашего творческого сотрудничества.

Далее мне были предложены слова к четырём романсам, это «Молитва», «Я его целовала во сне», «Призрачный бал», «Никогда». Музыка появилась сразу после прочтения стихов, поразительно быстро. Ведь в словах были такие удивительные, мечтательные и искренне чувствительные мысли, что не написать музыку было невозможно.

Знакомясь в дальнейшем со стихами в сборниках Галины Александровны, я поражаюсь музыкальности, выверенности их ритма, выбирал те произведения, которые хотелось превратить в песни и романсы. Бывало, обнаруживалось, что песни были уже написаны другими, в основном подмосковными и московскими, авторами. Я изучил всех своих «конкурентов». Это заслуженный артист России Юрий Шишкин, заслуженный артист России, член Союза композиторов России Виктор Голиков, заслуженный артист Ингушетии Василий Бурмистров, член Союза композиторов Виктор Фурманов, член Союза композиторов Подмосковья Владимир Лазня, Герман Кирзон, выпускница Нижегородской консерватории по классу композиции Ирина Чаплина, Николай Новиков.

Читая стихотворения, слушая исполнявшиеся песни, по большей части гражданско-патриотической направленности, бывая на творческих вечерах и встречах Галины Романовой, я видел отношение людей к её стихотворениям и песням на её слова. Я обратил внимание на очень позитивное восприятие слушателей. И при этом находил среди вновь написанных стихов те, на которые писал музыку. В большинстве своём вначале, – лирические песни и романсы, но затем открыл для себя и другие оттенки её творчества. Это позволяло создавать разнохарактерные песни, в разных стилях – например, в ритме марша, танго, вальса, фокстрота и просто в медленном темпе.

Работать с Галиной Романовой интересно: она откликается на просьбы, дорабатывает стихотворения для песни, дописывая строфы, припев.

Я выпустил в издательстве «Современная музыка» сборник из 13 песен и романсов на стихи Галины Романовой, в предисловии к которому член Союза композиторов России, заслуженный артист РФ, лауреат премии Правительства Москвы Виктор Голиков

написал: «При знакомстве с произведениями обращают на себя внимание простота, искренность, человечность и при этом глубина нравственно-этического содержания этих сочинений, которые определяют их непреходящее значение и актуальность. Проследживается тесное взаимопонимание, дополнение поэзии музыкой и музыки – поэзией».

Презентация сборника, прошедшая в Балашихе и представившая песни и романсы в исполнении разных певцов, а также стихи Галины Романовой, вызвала большой интерес, а завершился концерт исполнением «Гимна Подмоскovie» солистами и детским хором Детской школы искусств им. Г.В. Свиридова.

В настоящее время заканчивается подготовка издания нового сборника песен и романсов на слова Галины Романовой, в который включены недавно написанные произведения на стихи из книг «Хочется жить» и «И музыкой прощалась ночь». Мне очень понравились проникнутые любовью и уважением к творчеству русских поэтов Николая Рубцова и Николая Дмитриева стихотворения «Осенний мотив» и «Разговор с поэтом Николаем Дмитриевым», и теперь эти два романса исполняет меццо-сопрано Анна Попова, лауреат конкурсов патриотической песни и лауреат конкурса романсов имени Галины Каревой.

С большим успехом прошёл в феврале концерт-встреча в библиотеке имени Максима Горького в Москве, где я видел, как публика душевно и восторженно реагировала и на музыкальные произведения, и на авторское чтение стихотворений. Почему? Да они отражают душу русского человека, настрой современника, любовь к своей родной земле, к согражданам.

Наше сотрудничество продолжается и будет продолжаться, потому что стихи Галины Романовой пользуются успехом и на их основе получаются песни и романсы, которые прекрасно принимаются в обществе, зовут к сохранению духовной красоты, нравственных ценностей.

Будет очень приятно, если кто-то из читателей журнала захочет исполнить или предложить для исполнения новую песню «Радуга в Москве», которая даже по своему названию очень сочетается с названием журнала – «Свет столицы». Пусть Галиной

Романовой пишутся новые поэтические строки с музыкальным ритмом! А я готов поработать над созданием песен и на слова других авторов журнала.

*Наиль Утяшев,
дирижёр, аранжировщик,
почётный работник образования РФ,
автор более 130 музыкальных произведений*

Радуга в Москве

*слова Галины Романовой
музыка Наиля Утяшева*

1.

Видишь, радуга взметнулась
Над вечернею Москвой,
Крыш домов она коснулась
И дождливой мостовой.

Припев:

Радуга-дуга
Над Москвой умытой
Светит на века
Верой незабытой.
Радуга в Москве!
Радуга в Москве!

2.

Я по ней взбегаю взглядом
От земли и до небес.
Солнце, тучи – всё здесь рядом.
Это чудо из чудес!

Припев.

3.

Город виден сверху ясно –
Многолюден, как всегда.
А над ним, как жизнь, прекрасна –
Разноцветная дуга.

Припев.

4.

Золотится куполами
Православная Москва.
Над её семьёю холмами
Божья радуга жива!

Припев.

РАДУГА В МОСКВЕ

сл. Г. Романовой
муз. Н. Утяшев

5

Ви-дишь, ра-ду-га взмет-ну-лась над ве-

9

чер-не-ю Моск-вой, крыш до-мов о-на кос-ну-лась и дожд-ли-вой мос-то-

14

вой. Ра-ду-га-ду-га над Моск-вой у-мы-той све-тит на ве-ка

2

18

ве-рой не-за-бы-той. Ра-ду-га в Моск-ве! Ра-ду-га в Моск-ве!

21

1. 2. 3.

Ра - ду - га в Моск - ве! Я по -

24

4.

ве!

rit.

Чердынцев М.А. НЕ МИР, НО МЫ. ПРОЕКТ «ТОЧКИ ЗРЕНИЯ».
СТИХОТВОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РИТМИЧЕСКОГО МИНИМАЛИЗМА
ИЛИ ОБРАЗНОГО РУССКОГО МАЛОСЛОВИЯ. ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
И СЕМНАДЦАТАЯ КНИГИ МАЛОСЛОВИЯ. – М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2020. – 288 с.

О чём мы говорим, когда молчим?

Не первый раз поэт Михаил Чердынцев озадачивает нас своими стихотворениями. Вроде бы простые слова, простые вопросы, простые ответы... Но мы-то, мы, перевернув десяток страниц его новой, почти трёхсотстраничной книги, отодвигаем её от себя в лёгкой степени недоумения – о чём это он?

Оказывается, это он всё о себе, о своей простенькой жизни, о погоде, о любви, о её неожиданностях, радостях и горестях, и невзгодах. Вчитайтесь...

*Вновь и вновь появляясь на моём одиноком пути...
Труден путь, ты, надеюсь, не станешь
Словно призрак мне сниться...
Всё, что в жизни прошедшей случилось,
Пусть навечно из памяти сможет достойно уйти.*

Кстати, так:

*Это холод, принёсший на смену горячих объятий,
Как сюрприз, неприятен итогом и требует вовремя слов.
Дождь событий проходит,
Не оставив мгновения прошлых блаженных понятий.
Если сможешь, уйди
Я к смертельной разлуке готов.*

Так всё-таки, о чём мы говорим, когда молчим? Ведь наше общение наполнено счастьем! И вдруг – уйди?! Это настоящий Чердынцев! А вот ещё:

*Всё остальное быта мишура –
Бессмысленного чуда истечение;
Растрата жизни,
Чувства привлечение,
К условиям, когда пропасть пора.*

Другими словами, дорогие мои, всё в нашей жизни рядом – и счастливые моменты и время – когда пропасть пора. Это тоже Чердынцев, не даёт нам с вами забыть о недолгом земном существовании.

Но, с другой стороны, поэт никогда не забывает предусмотреть для читателей и счастливый выход при случившемся «недолгом земном существовании», другими словами он как бы заботится о своём читателе:

*Не строя планов и иных забот
Здесь отыскав мираж, мы всё же верим,
Что этот мир – нам знаки подаёт
Дверь, плотно закрывая для потери.*

Ещё один очень важный момент, который частенько встречается в стихах Чердынцева. У него нет врагов среди знакомых, друзей, среди мужчин, женщин. Его враги – это дожди, снега, пространство, время...

Разная и всевозможная непогода: бураны, тайфуны, циклоны, всевозможные природные катаклизмы, а главное само существование и окружающий мир! Вот, кто и вправду портит ему и нам жизнь – случившееся где-то землетрясения и временная зыбкая не долгота бытия!

Жизнь разлучает нас с друзьями, с любимыми женщинами! Вы только вдумайтесь в названия стихов: Происки бытия! Зыбкость мира! Послесловие в тумане, Кротовая нора, Горизонт событий, Осмысление незримой измены, Процесс превращения. Другими

словами, мир Чердынцева странен, независим от нас и непознаваем.

Но в то же время он духовно напряжён.

Одно из последних стихотворений этого сборника называется «Обретение смысла». Вот этим небольшим стихом мне и хочется закончить поздравление Михаилу Чердынцеву с выходом в свет этого нового прекрасного очередного сборника.

*Как часто мир бывает к нам жесток,
Не раскрывая к следствиям причины...
В ответ скажу, что я не одинок,
Но вижу только вытертые спины.*

*Скрываясь от меня, ты словно рок
Всю правду делишь искренне на части...
С другими чаще, среди дел отчасти
Сюжет, мне предъявляя, видно впрок.*

Да и ещё! Вот, что очень хотелось бы сказать в этой рецензии: давненько у нас в России не было премий у поэтов. А ведь по положению издательского дела, они почитай у нас самые обделённые. Считайте мою рецензию, обращением во всякие комитеты и фонды, предложением реальной возможностью отметить премией выдающегося русского поэта Михаила Чердынцева.

Это будет редкий, но очень верный праздник в отечественной, впрочем, и мировой литературе, тем более что у поэта уже не первая да думаю, что и не последняя книга, отражающая важные и так необходимые современному читателю общие проблемы, которыми с избытком он погружён в наш непростой век.

*Виктор А. Пронин,
член МГО СП России,
заслуженный работник культуры*

ШЕПЕЛЬ А.Д. КРОВАВАЯ ЛЮБОВЬ: РОМАН. – М.:
ИПО «У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2020. – 322 с.

Жестокость подростков. Что это? Где искать причины? Жестокость – не что иное, как неконтролируемый и немотивированный выплеск подростковой агрессии. Скорее всего, причины жестокости нужно искать в воспитании детей. Зачастую в семье они зажаты со всех сторон, не могут выплеснуть свою агрессию, потому что маму и папу обижать нельзя, надо быть послушным. А потом – бах, взрывается бомба, и все в шоке: родители, учителя, друзья. Подросток бунтует: «Я могу сделать то, что вы все мне запрещаете». Они устраивают жестокие избиения, поджигают волосы, безжалостно травят одноклассников, издеваются над животными. Часто взрослые, в силу своей занятости, не успевают заподозрить неладное. Маркеры агрессии, которая может привести к трагедии, видны специалистам. Своей жестокостью поражают не только молодые люди, но и девушки.

Идея написания романа «Кривавая любовь» у Александра Дмитриевича Шепеля возникла не сразу и не просто так. Прежде чем автор приступил к работе, он не только разыскал людей, причастных к событиям, описанным в романе, но и познакомился с некоторыми из них лично, в частности с Сергеем Анисимовичем Самойловым – генералом прокуратуры России на пенсии, помощником генерального прокурора Советского Союза А.М. Рекункова. Благодаря тесному общению и возникла идея описать события давно минувших дней, но имевших место. События чудовищные, о которых не писали в газетах и не говорили по телевидению.

Действие романа разворачивается в одном из посёлков бывшей союзной республики и затрагивает сложные, порой жестокие отно-

шения между близкими родственниками. В основу романа лёг рассказ Сергея Анисимовича Самойлова «Родная сестра».

С первых же строк автор вовлекает читателя в обычную поселковую жизнь. Две девочки подросткового возраста, родные сёстры из простой рабочей семьи, учатся в общеобразовательной школе. Мама – библиотечарь, папа, работавший трактористом, недавно умер. Следить за девчонками особенно некогда и некому.

Девочки посещали местный кружок самодеятельности и были у всего посёлка на виду. Младшая Юлия быстро подружилась с местными парнями-хулиганами. Один из этих парней влюбился в старшую сестру Марию и начал добиваться её любви, но она не хотела связывать свою судьбу с местными парнями, собираясь уехать в город и поступить в институт. Настойчивые ухаживания паренька Игоря привели к конфликту. Мария, отбиваясь от грязных приставаний, сильно ударила парня, и это привело к тягчайшим последствиям. Затаивший злобу Игорь расправился с девушкой жестоко. Девушку изнасиловали группой и скинули с большого утёса, а потом забросали камнями, и во всём этом участвовала родная сестра Марии – Юленька. Все подростки попали за решётку.

Александр Шепель очень подробно проследил характер каждого персонажа, показал, как рождались чудовищные замыслы в головах молодых людей, описал, какие смертельные раны подростки наносят своим родителям. Две дочери у матери: ангел и бес, как пережить простой женщине предательство одной сестры по отношению к другой? На чьей совести смерть матери в зале суда? Как дальше жить чудом оставшейся в живых девушке, потерявшей одновременно мать и сестру, попавшую в колонию?

Роман глубоко трагичный, психологичный и философский. Роман – назидание последующим поколениям. В конце красной нитью проходят слова автора:

«На небе мириады звёзд, и мы – как маленькие звёздочки с точкой рождения, развитием и угасанием – у каждого свой путь, пусть и не столь длинный по меркам Вселенной, но любой из нас старается по возможности прожить яркую жизнь. Однако не все озадачиваются вопросами: зачем он живёт, важно ли то, как относится к людям...»

Александр Дмитриевич Шепель – прозаик, поэт, публицист, член Союза писателей России, Академии российской литературы, лау-

реат ряда литературных премий. Литературной деятельностью занимается с 1964 года. Автор многочисленных художественных произведений на историческую, военную тематику (романы, рассказы, детская литература, поэзия). К настоящему времени издано 56 книг. За романы «Чужой грех», «Проклятый» и другие книги в 2009 году Международной ассоциацией баталистов и маринистов награждён премией имени В. Пикуля с вручением диплома и Золотой медали В. Пикуля. В 2013 году Московской городской организацией Союза писателей России награждён дипломом литературно-общественной премии «Лучшая книга 2011–2013» за книгу «Исповедь грешников» с вручением награды «Серебряный крест».

Александр Дмитриевич написал множество книг: серия книг «Пылающий крест Украины. Обратной дороги нет» (Калуга, 2011); «Капкан» (Калуга, 2011); «Солдат России» о подполковнике спецназа ВДВ Анатолии Вячеславовиче Лебеде (М., «У Никитских ворот», 2013); «Умереть в бою – счастье. Повесть о Герое России Дмитрие Разумовском». (Ульяновск, Корпорация технологий продвижения, 2015), «Трижды похороненный» (М., «У Никитских ворот», 2020) и многих других, трогających своей глубиной. Дитя войны, родом с Украины, отдавший большую часть жизни служению Родине, человек глубоко чувствующий, переживающий за развал СССР, чтящий историю, открывающий правду тем, кто ищет. Смелый, открытый, с широкой русско-украинской душой. Сейчас Александр Дмитриевич работает над своим новым, 57-м романом.

Произведения Александра Шепеля хорошо известны читателям, серьёзный и непредвзятый анализ современности, глубокое знание истории, правдивые подробности отличают книги этого автора.

*Ольга Карагодина
Прозаик, член Союза писателей России,
МГО СПР, Академии российской литературы
Москва, 2020*

галерея

Юрий Минаев

Минаев Юрий Михайлович родился 1940 году в Москве. Детство прошло в подмосковном Пушкино. Очень увлекался техническим творчеством. В доме пионеров посещал кружки: авиамодельный, судостроительный, радиокружок. Окончил среднюю школу и одновременно школу радиомастеров при ДОСААФ. Выбор профессии уже определился. Высшее образование получил в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА). Уже в зрелом возрасте проявился интерес к истории, литературе, поэзии.

Александра Шёненбергер

Родилась в Москве в 1968 году. Окончила Московский архитектурный институт. С 1991 года — свободный художник (живопись, графика). Принимала участие в выставках ЦДХ и МАРХи.

С 1996 года живёт в Швейцарии. Окончила Высшую школу прикладных искусств, г. Ла-Шо-де-Фон (La Chaux-de Fonds), кантон Невшатель, по специальности «Дизайнер промышленных изделий, ювелирных украшений и часов». Работала ассистентом преподавателя на кафедре индустриального дизайна.

С 2004 года возвратилась к живописи.

Переехав в Швейцарию, начала писать рассказы. Чем это обусловлено, трудно сказать. Большое влияние на Александру оказала ее мама — московская поэтесса и переводчик Ольга Чугай. «Для меня литературная среда была частью моего дома и мироощущения. Думаю, что писательство (для меня лично) всегда было и остаётся способом выживания и адаптации в иноязычной среде, — уверена Александра Шёненбергер. — Семантика родного языка, его экспрессия помогают мне объединить пространство проживания с моим личным пространством. Это также связь прошлого и настоящего через слово, понимание и ощущение реальности, способ её анализа и проверки».

Олег Ширяев

Поэт, прозаик, художник. Много лет служит алтарником в храме Донской иконы Божьей Матери в Перловке. Особое место в его творчестве занимают стихи и проза для детей, издано несколько книг с авторскими рисунками. Член литературной мастерской «Живое Слово», лауреат православного фестиваля «Сердце России», обладатель диплома III степени в номинации «Война оставила свой след».

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Юлия Александрова	7
Валерий Бокарёв	16
Вилен Иванов	21
Ольга Игнатова	23
Максим Климов	50
Раиса Мартынова	53
Василий Мурзин	55
Олег Стырт	58
Сергей Черноглазкин	61

Проза

Михаил Горев	67
Татьяна Летнева	77
Николай Низиенко	80
Василий Поляков	83
Александра Шёненбергер	95
Олег Ширяев	98

Монологи

Михаил Чердынцев	103

Голоса

Ольга Чугай	125

Книжная полка

Романова Галина	133
Чердынцев Михаил	141
Шепель Александр.....	144

Галерея

Юрий Минаев, Александра Шёненбергер, Олег Ширяев	149